

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН
CENTRAL ECONOMICS AND MATHEMATICS INSTITUTE RAS

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

В.А. Волконский

ЧЕЛОВЕК ОБЖИВАЕТ МИР:
ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ
И ДЕСТРУКТИВНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

Препринт # WP/2015/312

МОСКВА
2015

Волконский В.А. Человек обживает мир: эволюция конструктивных и деструктивных идеологий / Препринт # WP/2015/312. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. – 76 с. (Рус.)

Духовные подъемы и упадки играют огромную роль в истории народов, как правило, они связаны с формированием новых идеологий или деградацией старых, распространением новых идей или духовно-смысловых установок. Эволюция духовно-идеологической сферы является в значительной мере самостоятельной, независимой от развития экономической и политической реальности. Если сравнить процесс ее изучения с исследованием растительного и животного мира, то видимо он не поднялся выше стадии описания отдельных наиболее массовых форм и не достиг уровня классификации Карла Линнея. Между тем, некоторые духовно-смысловые установки и идеологические системы явились мощнейшими двигателями человеческого прогресса или, наоборот, стали угрозами для человеческой цивилизации. Перед человечеством стоит задача овладеть этими «энергиями». В работе подробно рассматривается установка на обогащение как главный смысл жизни и роль идеологии фашизма. Обосновывается плодотворность при разработке новой идеологии структурирования эволюции духовно-идеологической сферы путем выделения линии объединяющих и линии разделяющих идеологий.

Ключевые слова: идеология, цивилизация, смысл жизни, жизнь и смерть, психологическая установка, стремление к обогащению, коррупция, фашистская идеология.

Volkonsky V.A. The Human Renders Habitable the World: the Evolution of Constructive and Destructive Ideologies / Working paper # WP/2015/312. – Moscow, CEMI RAS, 2015. – 76 p. (Rus.)

Spiritual raisings and declines play a huge role in the history. As a rule, they are connected with raising of a new ideology or loss strength of an old, with extending of new ideas or spirit-sense set. The evolution of the spirit-ideological sphere is significantly independent from the 'economic and political development. The assignment of mastering, of taking possession of these "energies". The striving to enrichment as a chief lifesense and the role in the history of the fascism ideology are themes in the article.

Keywords: ideology, civilization, lifesense, mental set, life and death, striving to enrichment, corruption.

ISBN 978-5-8211-0681-0

© Волконский В.А., 2015 г.

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт РАН, 2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ДУХОВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА И ЕЕ ИСТОРИЯ.....	4
1.1. Мир внешний и мир внутренний.....	4
1.2. Об истории духовно-идеологической сферы	8
2. ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ И ИНОМУ МИРУ.....	12
2.1. Прорыв в сферу Духа.....	12
2.2. Идеи Жизни и Смерти – основа нравственности и системы ценностей	16
2.3. Антисистемные вероучения и идеологии. Знак опасности	19
2.4. Выделение человека из жизни Вселенной.....	23
2.5. Идеология радикального ислама (по Гейдару Джемалю).....	27
3. МАТЕРИАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ДУХОВНО-СМЫСЛОВАЯ УСТАНОВКИ	33
3.1. Стремление к личному обогащению.....	33
3.2. Советский Союз – система раннего социализма	36
3.3. Государство и коррупция	39
3.4. Китай	41
4. ЭНЕРГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ВЫСШИХ СМЫСЛОВ БЫТИЯ	45
4.1. Крепость христианской духовности начинает казаться тюрьмой	45
4.2. Духовный перелом на рубеже XIX–XX вв.	48
4.3. Запад и Россия дают разные ответы на вызов истории.....	51
4.4. Феномен фашизма.....	54
5. ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ ГЕНЕЗИСА ДЕСТРУКТИВНЫХ ИДЕОЛОГИЙ.....	59
5.1. Подход с позиции психоанализа	59
5.2. Подходы историков	62
5.3. Объяснение феномена фашизма с точки зрения исторического материализма	65
6. ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ И РАЗДЕЛЯЮЩИЕ ИДЕОЛОГИИ.....	68
6.1. Диалектика объединяющих и разделяющих традиций	68
6.2. Роль России.....	73
ЛИТЕРАТУРА	75

1. ДУХОВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА И ЕЕ ИСТОРИЯ

1.1. Мир внешний и мир внутренний

Важнейшим событием человеческой истории явилось преобразование христианской европейской цивилизации в цивилизацию европейского Модерна, в значительной мере атеистическую, основанную на материально-прагматической установке как главном смысле жизни. Социально-политической и экономической системе капитализма, сформировавшейся на этом духовно-идеологическом фундаменте (в упрощенном, «массовом» варианте – это стремление к обогащению как главный смысл жизни), человечество обязано великими достижениями в областях экономики, научно-технического прогресса, распространением образования и культуры. Однако пятисотлетняя экспансия этой установки, в последние десятилетия получившая также оформление в виде идеологии глобализма, все более наглядно проявляет свои негативные стороны и угрозы самому существованию человечества.

Марксизм создал концепцию, позволяющую изучать историю человечества как науку, подвергая проверке, верификации выдвигаемые гипотезы и собранный эмпирический материал. Но постулаты исторического материализма, как и все научное мировоззрение, признают в качестве «настоящей» «первичной» реальности только факторы развития производства и производственных отношений. Это движущие силы истории. А факторы духовно-идеологические (религиозные верования, этические учения, системы ценностей) относят к «надстройке», к факторам, движение которых определяется развитием первичных, материальных факторов.¹ Доминирование исторического материализма часто приводит к односторонности и недооценке духовно-идеологических факторов даже тогда, когда они являются основными, определяющими.

Как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад. Эта истина, можно сказать, выстрадана человечеством. Но исторические события невозможно понять без знания (или гипотез) о намерениях, целях, смыслах действий участвующих в них персонажей, групп, организаций. Недаром в юридической практике всегда самостоятельное значение придается намерениям и мотивациям. Понятие «мягкая сила» появилось в современном лексиконе недавно. Но стремление пере-

---

¹ В учении «живой этики» о мистической иерархии различных планов бытия, а также в реконструкции их представителями других индусских учений, учений розенкрейцеров и т.п. категория материи философов материалистов может быть сопоставлена с категорией «выявленной реальности».

местить деятельность из материальной сферы в духовную, смысловую идет из древности. Великий мудрец древнего Китая Лао-Цзы, создатель учения даосизма, писал: «Мягкое побеждает твердое. Имеющий сильное войско уничтожается, крепкое дерево переламывается». В условиях информационного общества роль смысловой, идеологической сферы быстро возрастает. Для осмысления современных проблем истории и даже антропологии более адекватным подходом, методологической схемой представляется *дуализм*.

Когда идет речь о явлениях и процессах в духовно-идеологической сфере, создание научной теории имеет иной смысл и значение, чем в естественно-научных дисциплинах. Научная теория процесса или явления – это выявление объективных факторов, определяющих возникновение и развитие их и соответствующих причинно-следственных связей. Объективных – значит не зависящих от исследователя. Но когда речь идет о смыслах и целях деятельности отдельных лиц или небольших групп, то у разных исследователей всегда будут различные представления о скрытых целях и намерениях исторических персонажей, даже если фактическая документированная база не вызывает разночтений.

Еще важнее вопрос о смысле и целях самого исследования. Когда речь идет о теории новых источников энергии, то цель однозначна – ее производственное использование. Но допустим, имеется хорошая научная теория возникновения и развития социалистической идеологии. Готовность использовать ее для строительства Светлого Будущего вовсе не присуща всему человечеству. Поэтому роль теории в общественных науках состоит скорее в том, чтобы прояснить смысл и значение в истории того или иного движения, той или иной духовности, помочь человеку или обществу сориентироваться в своем отношении к ним, понять, на чьей ты стороне. То есть здесь теория важна как часть идеологии. Этой цели служит последний раздел статьи, где сделана попытка очертить две линии развития идеологий, прослеживаемые в истории.

Как выход человека из сферы эволюции животного мира, так и все этапы его развития и возвышения определяются сменой духовно-идеологических учений и верований не в меньшей степени, чем развитием технологий производства и производственных отношений. Переходя к новым способам и технологиям производства, человек открывает и осваивает *внешний мир*, материальную среду своего обитания. Усваивая новые верования, прозревая новые цели и ценности бытия, он открывает свои собственные способности и возможности изменять свою жизнь, то есть овладевает новыми пространствами в своем *внутреннем мире*. Этот внутренний мир не менее важен для его жизни и столь же сложен и неисчерпаем, как мир внешний.

Насколько этот мир является только внутренним, имеются ли в некоем внешнем мире корреляты и источники наших внутренних (психических или духовных) событий, – этот вопрос, после нескольких веков почти безраздельного доминирования материалистического, научного мировоззрения, снова становится проблематичным. В эпоху освобождения от идеологической монополии церкви важным интеллектуальным достижением было обоснование истины: «научно доказать существование Бога в принципе невозможно». Похоже, что сейчас становится актуальной другая сторона этой истины: «невозможно научно доказать, что Бога нет».

Человек находит Смыслы своего бытия, идентифицируя себя с ценностями, традициями, мироощущением, культурой своего народа, которому он принадлежит по факту рождения, или с религиозным, идейным сообществом, к которому он относит себя в результате сознательного выбора. Воздействие на исторические процессы оказывают те духовно-идеологические комплексы, верования, учения, которые оказываются живыми и способными к обновлению на протяжении веков, охватывают наибольшее количество людей, порождают подъем пассионарной энергии. Так же как технологии материального производства и выживания, как экономические уклады, они могут сильно различаться у разных этносов и цивилизаций. И эти различия бывают часто более устойчивы и долговечны, чем материальные технологии и экономические уклады.

Иногда духовно-идеологические комплексы отождествляются с теми цивилизациями, где они возникли (или наоборот, возникновение которых они инициировали, как например, говорят нередко о христианской цивилизации, исламской цивилизации). Но, как правило, развитие, история религиозно-нравственного учения или духовно-идеологического комплекса бывает связана не с одной цивилизацией, а реализуется в разной мере в нескольких цивилизациях. С другой стороны, в одной цивилизации присутствуют и борются друг с другом несколько духовно-идеологических установок. Поэтому скорее надо говорить об истории духовно-идеологических установок, учений, культур и об истории цивилизаций и этносов, как о тесно взаимосвязанных друг с другом, но все же обладающих значительной самостоятельностью и независимостью.

Наверно, надо наряду с биологической эволюцией, эволюцией форм жизни и эволюцией этносов и цивилизаций, то есть развитием человеческих сообществ, которые изучает история, признать еще существование не менее важного, самостоятельного предмета изучения и осмысления эволюции духовно-идеологических форм жизни цивилизаций и других человеческих сообществ. Это религии, верования, философско-этические учения и установки, системы ценностей и целей Бытия.

Все это жизнь духовно-идеологической сферы (наверно, можно сказать, ноосферы академика В. Вернадского).

Великое разнообразие характеров человеческих индивидов, их психических типов, духовных установок и стереотипов поведения, а также их сообществ и группировок, приводит к постоянному обновлению духовно-идеологической сферы (так же как и материально-прагматической). К зарождению, расцвету и старению, потере со временем силы и влияния действующих идей и верований. И к возникновению, усилению новых, прежде незаметных. Анна Ахматова в сборнике «Бег времени» пишет:

«Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесен.
Но что нам делать с ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречен?»

Почему бег времени – Ужас? Что в нем ужасно? – Ясно, что бег времени уносит то, что ценнее физической жизни, то, что мы любим. И это относится не только к любимому человеку, к годам юности, которые никогда не вернуться, к усадьбе предков, о которой всю жизнь вспоминали наши эмигранты. Это относится к целым эпохам, которые уходят безвозвратно, как есенинская Русь, как видение эпохи красавцев – кавалергардов.

На смену эпохам Красоты, Любви, Великих Подвигов и Славы приходят эпохи мещанства, предательства, безвременья. Народы сравнивают их с Потерянным Раем и утрачивают Смыслы исторического бытия. Человечество никогда не откажется от войн, революций, террора только из-за того, что физическая жизнь священна. Всегда найдутся люди, готовые идти на смерть и убивать во имя Великих Духовных Смыслов.

Серьезное влияние на историю оказывают те идеи, учения, верования, которые воспринимаются большим количеством людей, готовых жить и умирать во имя их торжества, в соответствии с этими верованиями. На практике важнейшим признаком оценки их роли служит длительность их жизни и памяти о них. Видимое угасание роли учения или духовной установки часто не свидетельствует о его окончательном перемещении в музеи и архивы. Идеи и верования могут неоднократно обновляться и оживать в иных обликах и под другими названиями. Наиболее глубокое влияние оказывают, конечно, те учения, религии, идеологии, которые проходят через всю историю, «облекаясь» в разные формы и институты. Такими же «вечными» оказываются и противоречия между ними. Примерами служат идея государства как представителя и выразителя интересов народа, идея признания частной собственности и рыночных правил обмена и т.п.

1.2. Об истории духовно-идеологической сферы

Как теоретические исследования, так и толковые описания эволюции этих долгосрочных идейных и духовных традиций, необходимы для практических политиков, для формирования идеологических концепций, для публицистов и журналистов, для системы образования и воспитания. Они, наверное, даже более важны, чем знания по биологической эволюции.

Взгляды политика или идеолога формируются сначала в школе и в вузе, затем корректируются в процессе текущих взаимоотношений той партии или того государства, с интересами которых он себя идентифицирует, – отношений с их политико-идеологическими противниками и союзниками. Текущие задачи и интересы этих отношений и борьбы чаще всего бывают настолько драматичны, что формируемые ими оценки и установки отодвигают на второй план учет более глубоких и долгосрочных характеристик тех сообществ, с которыми политик имеет дело. Это может приводить к искаженным, предвзятым представлениям о мотивах действий друзей и врагов и в результате – к серьезным политическим ошибкам.

В качестве примера, приведу, на мой взгляд, ошибочную интерпретацию политики Китая в отношении украинского кризиса в статье главного редактора «Экономической и философской газеты» А.П. Проскурина (2014. № 24–26; № 27–28). А.П. Проскурин исходит из правильного предположения: «Китай не заинтересован, чтобы Россия стала частью западного блока». Но тут же делает следующий шаг, который можно объяснить только чисто западнической «двоичной» логикой: «Конфликт между Россией и Украиной несомненно выгоден Китаю». Он признает, что «Китай относится к России как к младшему партнеру». Руководители Китая прекрасно понимают, что конфликт с Западом сейчас ослабляет как Россию, так и Китай и может быть выгоден только США, поскольку время работает на Китай и его союзников. Согласно Андрею Девятову, традиционная «троичная» китайская картина мира: мы (Поднебесная) – наши союзники – наши враги. Что Китай рассматривает Россию как союзника, – это подтверждается, в частности, позицией, занятой Китаем в отношении «сепаратистов» Крыма и Новороссии. Китай всегда демонстрирует отрицательное отношение к сепаратистам в своей стране и в других странах. Но в данном случае, как признает А.П. Проскурин, «в Пекине отмолчались». Мало того. Он намекает на «мало заметное, но мастерское прикосновение» пекинского руководства через представителей «этнического китайства» к разжиганию кровопролитного внутриукраинского военного конфликта во имя того, чтобы «вбить клин» между Москвой и Западом. Мне представляется, что такая трактовка позиции Пекина не соответствует тому образу китайского государства, который

признает высшей ценностью соблюдение общечеловеческих этических норм. Оно не допустило бы «потери лица» и риска потери доверия со стороны России ради сомнительных результатов давления на Путина и российскую элиту. Скорее данную главным редактором интерпретацию политики Китая и его «истинных целей» можно трактовать как попытку демонизировать эту политику и «вбить клин» в отношения Китая и России.

В отличие от описания и исследования эволюции биологических форм, изучение истории, развития этносов, народов, цивилизаций становится наиболее содержательным и эффективным, когда научные методы классификации и рационально-логического анализа дополняются художественным, образным и эмоционально-смысловым проникновением в суть изучаемых событий и субъектов. В еще большей мере это относится к изучению эволюции духовно-идеологической сферы и ее взаимоотношения с историей народов и цивилизаций. Как известно, большую часть любой религии или идеологии составляет то, что научное мировоззрение презрительно трактует как мифы. Но если речь идет об истории духовно-идеологической сферы как части общей истории человечества, то гораздо важнее не соответствие реальности этих «мифов» (в частности, и мифов о возникновении того или иного учения), а факты «работы» этого учения или религии в истории народов, их воздействия на события и процессы, значимые для этой истории. Недаром Маяковский мечтал, чтобы «о работе стихов от Политбюро делал доклады Сталин».

Пока, наверно, надо признать явную нехватку исследований в этой области. В первые дни Творения, человек должен был начать с того, чтобы дать имена всем тварям, обитающим на земле и в море. Так же сейчас ему предстоит опознать и дать названия многочисленным «обитателям» духовно-идеологического пространства. Сущностям, борющимся друг с другом и в то же время подражающим друг другу в своем поведении, своей окраске, даже перенимающим чужие цели и ценности, но стремящимся сохранить свой генотип. Такая работа представляется неблагодарной, поскольку в отношении многих «обитателей духовно-идеологической фауны» трудно надеяться добиться согласия, единообразного понимания в сообществе изучающих их интеллектуалов и политиков. Но с течением времени эта работа становится все более важной и актуальной. Это очевидно для каждого, кого волнуют на глазах обостряющиеся «битвы за историю».

Изучением отдельных реальных черт облика и психики типичных представителей различных народов давно и серьезно занимаются расология, культурология, социальная психология. В частности, ученым иногда удается выявить с помощью научной методологии реальные характерные особенности народа и сопоста-

вить их с представителями народов-соседей (соответственно, подтвердить или опровергнуть расхожие представления). На этом направлении научных исследований не так уж много успехов. Это определяется многими факторами. В частности, тем, что быстро расширяются средства передвижения, связи, возможности миграции, взаимопроникновения культур, смешения рас. Это лишает устойчивости характерные черты рас, наций, цивилизаций, их локализации, привязанности к определенному географическому месту пребывания. Примером трудностей с определением, с формированием понятий может служить идеология *фашизма* и само это понятие (подробнее см. ниже).

Развитие расовых теорий было радикально дискредитировано нацизмом, который использовал эти теории как основу для своей бесчеловечной идеологии и как идеологическое оружие в самой разрушительной войне. Несмотря на эти трудности, человечеством накоплен большой запас знаний в данной области. К сожалению, эти богатства лишь в очень малой степени доступны для широких кругов, которым они нужны и интересны.

В сознании каждого народа на протяжении веков и даже тысячелетий контактов и взаимодействий с соседними народами создается некое общее представление о типичном представителе народа-соседа, о характерных чертах его физического облика и его психических, поведенческих особенностях. Формируются образы народов, с которыми приходится контактировать. Эти характерные черты и образы соседних народов иногда фиксируются в художественной литературе и в социальных исследованиях (получают некий формализованный вид). Но кроме того они отпечатываются в фольклоре, в расхожих анекдотах.

Эти черты касаются как внешнего облика, так и стиля общения, поведения, склонностей, способностей. На протяжении веков создается упрощенный образ как отдельного человека – типичного представителя народа, так и образ преобладающих целей, ценностей, морали всего национального или этнического сообщества. Эти черты наиболее наглядно и выразительно выражаются в фольклоре, в множестве анекдотов о поведении людей разных наций в одинаковых обстоятельствах.

В следующих разделах сделана попытка выделить и коротко описать несколько факторов, определяющих своеобразие цивилизаций и отличие их друг от друга, которые представляются важными для современной духовной и политической ситуации. При этом я ни в малейшей мере не претендую на истинность, «научность» этих описаний и не ставлю целью отличать расхожие или «мифологические» представления о тех или иных народах, сложившиеся у их соседей или у них самих о себе от научных. Думаю, что только так можно попытаться обозреть важные вопросы этой области на немногих страницах.

По-видимому, важная причина недостаточной доступности этой области знаний кроется даже не в недостаточной научной проработке, из-за чего нет возможности надежно отличить научно обоснованные знания от укоренившихся мифологических представлений и предрассудков. Первым препятствием я бы назвал отсутствие простейшего обзора и классификации тех устойчивых сообществ и тех отличающих их духовно-психологических черт и факторов, которые представляют интерес для современных интеллектуальных, культурных, политических кругов. Потребность в таком самом грубом путеводителе по данной области знаний становится все более ощутимой по мере отхода человечества от двухполюсной структуры мира XX столетия и наблюдаемой в настоящее время смены однополярного мира (американской «мировой империи») структурой многополярного мира. Настоящая работа – попытка дать грубый абрис (может быть не карту, а «кроки») для научных и художественных описаний, исследований, дальнейших проверок и верификаций.

2. ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ И ИНОМУ МИРУ

2.1. Прорыв в сферу Духа

Различное понимание смерти можно принять за первый фактор, отличающий один народ от другого. Важнейший момент в эволюции племени – признание загробной жизни человека. Биологически обусловленный инстинкт самосохранения сменяется уверенностью, что смерть не означает полного исчезновения: это не конец, а изменение условий существования, переход в иной мир. Легенды и мифы давали более или менее детальное и правдоподобное описание этого иного мира, наделяя его большей или меньшей привлекательностью. Это великий прорыв, создавший основу, опору для преодоления инстинктивного страха смерти, позволяющий резко расширить границы возможностей человека, пространство для его мыслей и действия, для формирования системы высших духовных ценностей. Это был выход за пределы физического, пространственно-временного континуума. Он создал предпосылки для идеи Свободы и ее ценности.

Языческие племена и этносы, сталкиваясь с явлениями и силами, гораздо более могущественными, чем человек, действующими по непонятным законам, формировали представления о божественных сущностях и об иных, неземных мирах – небесном, подводном, подземном. Наиболее важное значение для человека имеют представления о Небесном мире. Они существенно различаются в цивилизациях европейских и азиатских (в Китае и в тенгрианских верованиях тюркских народов). В представлениях азиатских народов, Небо – это божественный мир, определяющий земную жизнь в ее рамочных, глобальных измерениях, так сказать, ее *макропараметры*. Небо живет по своим законам, которые не зависят от жизни и действий человеческого рода, но гарантирует стабильность и закономерную смену вековых и тысячелетних циклов человеческой истории, подобно циклам годовым и суточным. Люди не могут воздействовать на законы Неба. Мудрый человек, пророк может только угадывать, прозревать ход событий с помощью интуиции. Небо – источник и гарант также и этических законов, определяющих жизнь отдельных людей. Человек не может их менять, законы вечны. Различия между людьми определяются в основном тем, знают ли они эти законы. Задача человека – понять и усвоить их. Поэтому так важно *обучение*. Если человек узнал и понял эти законы, то он будет стараться их исполнять, поскольку не исполнять их не разумно, не выгодно, глупо. Это законы мировой справедливости. Такие представления – хорошая основа для более разработанных учений, приходящих из Индии – буддизма, учений

о карме и переселении душ. Эти представления стали фундаментом для великой идеи Единого Бога, монотеизма и возникновения авраамических мировых религий.² Важно заметить, что все великие мистики не придавали значения различию и противостоянию вероисповеданий. Они исходили из того, что исторически реализовавшиеся религии – это ипостаси некоего Единства, или различные пути к Единному.

Наряду с этим существуют многочисленные божества, непосредственно участвующие в повседневной жизни людей. Это божества, олицетворяющие сообщества животных и растений, силу ветра, реки, моря. Бросающееся в глаза отличие европейской античной мифологии от азиатских пантеонов состоит в том, что главные античные боги практически полностью антропоморфны. Они только владеют неизвестными людям силами и энергиями, и потому обладают большими возможностями. Они бессмертны. Но их желания и цели, их отношение друг с другом и с людьми вполне понятны человеку. Они «списаны» с отношений между людьми. Правда, они живут в своем божественном мире, куда нет прохода смертным. Но этот их мир (хоть он и *иной*) совсем не далеко – на горе Олимп. Множество богов практически встроено в земную жизнь людей. Мир загробной жизни человека за рекой Стиксом тоже мало содержит нового по сравнению с земной жизнью. От земной жизни эта жизнь отличается только тем, что от человека остается тень. Человек в мире теней способен логически мыслить, страдать, но не способен участво-

---

² В рамках индийской традиции были разработаны с большей или меньшей подробностью картины целой пирамиды возвышающихся один над другим миров все более «тонких энергий», и «планов бытия». Эти представления базируются на свидетельствах визионеров-мистиков. Они описаны в трудах индийских йогов, а также создателей и последователей «Живой этики» Е. Блаватской и Рерихов. Одна из широких и детально разработанных концепций строения Вселенной принадлежит братству Розенкрейцеров. Эта концепция достаточно подробно и логично изложена в работе [27] (1911 г.) члена этого братства Макса Генделя. Там описана система семи «Космических планов бытия» и семи «миров». Современная физическая наука изучает только «плотный мир». Но имеются теории, описывающие свойства «физического вакуума», допускающие выход за пределы физического мира и, в частности, объяснение парапсихических явлений (см., например, [28, разд. 1.3]). Трудно сказать, какое воздействие оказали эти представления на исторические процессы, но на культурное и духовное развитие человечества их влияние несомненно.

Здесь стоит отметить общее отличие дальневосточных и индийских духовных традиций от европейских и ближневосточных. Для первой группы нормой, целью является единство и неизменность, покой. В этих традициях борьба противоположностей – это только ступень к достижению единства, синтеза. Важен не процесс становления, а его результат. Их главное внимание обращено на те сферы и планы бытия, где нет деления на Добро и Зло, нет борьбы противоположностей. Наоборот, для европейских и ближневосточных традиций важен процесс борьбы противоположных тенденций, момент разделения Единого и борьбы Добра со Злом. Для них синтез есть только ступень для выявления нового Добра и нового Зла. Основное внимание обращено на процесс становления. «Жизнь есть борьба» – эта линия идет от Гераклита до Маркса. Для российской цивилизации «вняты» и западная, и восточная традиции: «И вечный бой. Покой нам только снится...» Но ведь снится все же именно Покой! (См. также [31]).

вать в жизни земной и испытывать плотские радости. Таким образом, в античной Вселенной и мир богов, и загробная жизнь людей – это только дополнения к земной жизни человека. Это не радикально отличный от нее, не альтернативный мир.

Представление о множестве богов, сила и возможности каждого из которых ограничены, соответствует ограниченности известной грекам ойкумены. Когда Одиссей и Ясон пускаются в далекое путешествие, они допускают (даже, наверно, уверены), что пройдя узкий пролив, они окажутся не просто во владениях иного народа, их ждет совсем иной мир, где до них никто не бывал, мир, полный не только невиданных зверей и людей, но и тайных опасных невидимых сил. И соответственно, неизвестных богов. Одиссей и Ясон – первооткрыватели не новых земель, а новых миров.

Пантеон богов в германских и скандинавских мифах и сагах очень похож на олимпийцев Греции и Рима. Но Валгалла, иной мир германцев, ничего общего не имеет с царством теней за рекой Стикс. Образ этого иного мира как великая награда за героизм в земных войнах (также как мусульманский рай для мучеников и праведников), несомненно, оказывал колоссальное нравственное и воспитательное воздействие еще задолго до принятия христианства.

Иудейский Бог Авраама и Моисея в качестве награды за верность обещает земное богатство и могущество человеку и его потомству: «Умножая, умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря, и овладеет семя твое городами врагов твоих... И цари произойдут от тебя... И дам потомству твоему все земли сии ... И распространятся к морю, и к востоку, и к северу, и к полудню» (Быт, 17:6; 22:17; 26:4; 28:14). Христос обращается к каждому человеку в отдельности, а Бог Ветхого завета дает обет не индивиду, а народу. Вера в Единого Бога – Творца, властвующего над всем видимым и невидимым, – следующий великий шаг в духовном возвышении человека. Единый Бог всемогущ. Конечно, никакие другие боги не могут противостоять Его воле. Его воля столь же непререкаема, как законы установления Неба в мироощущении китайцев и тенгрианцев. Спор о том, в какой традиции впервые зародилась идея монотеизма, – в иудаизме или тенгрианском вероучении, не так важен. Важно, что всемогущий Бог вступил в общение с человеком. То племя, тот народ, который удостоился такого общения, приобретает великую духовную силу и веру в свою выделенность, избранность Богом и в свое мессианское предназначение. У евреев эта вера прошла через тысячелетия и сохранилась до наших дней.

Стоит отметить такой парадоксальный факт. Монотеизм стал предпосылкой и основой как для учений и идеологий, *объединяющих* человечество, так и для учений *разъединяющих*, выделяющих избранный народ, требующих его доминиро-

вания и даже господства над остальными народами как неполноценными (подробнее смотри ниже).

Великим достижением духовного развития человечества было совмещение Единого Бога с Его личностным образом, с возможностью общения с Ним человека. Идея монотеизма совмещается с идеей относительного антропоморфизма Бога или богоподобия человека.

В восточно-азиатском мировоззрении движение Истории, макроисторические перемены предопределены законами мироздания. Они создают условия для повседневной жизни и текущей деятельности людей. Существование *личностного* Бога, общающегося с человеком, меняет представление о предопределенности событий и судеб, вносит идею чуда, возвышает роль *возможности* в мироздании, неоднозначности вселенского движения. Это служит предпосылкой для представлений о возможности участия народа и отдельного человека в движении мировых событий, его соучастия в творении Мира и Истории. Бог создал человека по Своему образу и подобию. Больше не может быть уныния и отчаяния от сознания человеческого ничтожества и бессилия. Призвание человека – оправдать доверие Творца, выполнить возложенное на него задание.

Главным институтом и принципом, обеспечивающим единство общества, всегда была власть. С эпохи образования древних государств (или еще раньше) власть была важнейшим смысловым ориентиром, главной ценностью для элиты. Власть держалась на силе и на способности человека к Вере – вере в объединяющее религиозное учение или идеологию, вере в божественное происхождение Власти. Христос показал, что единство общества и всего человечества может быть основано на другой способности человека – на Любви. Он возвысил любовь к ближнему, поставив ее рядом с любовью к Богу. В христианстве любовь человека к Богу и Любовь Бога к своему творению – это свойство Космоса. В христианском мире на протяжении двух тысяч лет она была принципом, который укреплял сети межличностных связей, объединял (пользуясь современным термином, хотя бы виртуально) враждебные, воюющие силы. Она была высшей целью, по отношению к которой Знание, Закон (власть), Деятельность (труд), Богатство (сила, могущество) выступали как средства. Даже в XIX веке Федор Тютчев, профессиональный дипломат, не понаслышке знавший, как вершится большая политика, пророчествовал:

«Единство, возвестил оракул наших дней,
Быть может спаяно железом лишь и кровью...
Но мы попробуем спаять его любовью,
А там увидим, что прочней...»

Христос показал, что страдание может быть не признаком поражения, а знаком торжествующей победы.

2.2. Идеи Жизни и Смерти – основа нравственности и системы ценностей

Идеи жизни и смерти, представления о них, их различие всегда лежали в основе морали, нравственности, права. Без этих идей и символов невозможно различение Добра и Зла, пользы и вреда и, соответственно, невозможна целенаправленная деятельность. Преодоление страха смерти, возникновение образа прекрасного Царства Божия, где нет страданий, вовсе не означает отказа от символов Жизни и Смерти как основы смысловой оценки. Главная победа Христа – «смертию смерть поправил и сущим во гробах живот даровал». Материалисты-прагматики пытаются сделать главным не обсуждаемым показателем для нравственной оценки исторических событий или политических режимов количество погибших, оставшихся без крова. Это, конечно, важный показатель. Но без учета смысловой оценки, – ради чего, ради каких Идей и Смыслов принесены эти жертвы, такие показатели мало что значат в постижении Истории. Идея Жизни и Смерти всегда были и всегда будут основой нравственных оценок. Но это достигается за счет того, что сами эти идеи, расширяются и усложняются. Это уже вовсе не биологические жизнь и смерть. Эти идеи приобретают значение фундамента нравственности только будучи встроены в определенную духовно-идеологическую концепцию о мире и человеке. И важнейший вопрос в ней: кто является целевым субъектом, чья Жизнь является высшей ценностью, и какие функции, проявления, возможности мы готовы считать ценностью?

Прежде всего, было переосмыслено понятие Жизнь. Оно было распространено с биологической жизни индивида на те условия, без которых биологическая жизнь невозможна. В качестве главного из таких условий человек осознал сообщества ближайших родственников, с которыми его связывает система инстинктов (дети, родители, семья). Необходимым условием жизни является и взаимная защита членов более широкого сообщества – рода, племени, позже нации. Для обеспечения этих условий формируются системы надличностных – этических и духовных ценностей, требований, норм, имеющих более высокий статус, чем собственная жизнь индивида. Появляются понятия и институты чести и бесчестия, геройства и трусости, верности и предательства, честности и лживости. В религиозных сообществах высший статус получает верность Богу и учению.

С ускорением социально-экономического и культурного развития, особенно в последние столетия, с радикальными изменениями среды обитания даже на протяжении жизни одного поколения возникает проблема интеллектуальной и эмоциональной адаптации человека к этим изменениям, проблема перестройки всей системы ценностей, освоения новых, непривычных условий существования. Примером может служить массовая урбанизация, когда деревенская жизнь в условиях привычного природного ландшафта сменяется городом, машинами, гигантскими скоростями (см. раздел 4).

Наиболее острой оказывается проблема целевого, или оценивающего Субъекта. Кто тот *я* или те *мы*, качество жизни которых служит основой, главным показателем для нравственных оценок, для всей системы ценностей? Есть влиятельные вероучения, в которых священной ценностью признается любая жизнь, жизнь любого живого существа (такая духовность и соответствующие нравственные нормы распространены в Индии). В большинстве этносов и культур символ Жизнь лежит в основе системы нравственности, причем имеется в виду не любое живое существо, а жизнь человека.

Среди идеологий и вероучений, возникавших на протяжении истории, можно выделить два типа, или две линии в их эволюции. Идеологии одного типа ставят задачу сохранения и упрочения духовного единства человечества, признают высшей ценностью жизнь всех людей и возможности их бесконечного развития, принимают ответственность за каждую душу. Идеологии другого типа готовы по тому или иному признаку (например, по расовому или национальному) делить человечество на собственно людей (целевой Субъект) и тот контингент человеческих особей, на который не распространяются этические нормы и правила человеческого общежития (люди «второго сорта»). К людям «второго сорта» формируется отношение такое же, как к машинам или к «подъяремному скоту», как к ресурсам для обеспечения жизни «настоящих людей» (если не подразумевается многократное сокращение их численности). Более подробно это различие анализируется в разделе 6.

Стимулирование творческого участия в жизни, расширение его пределов, преодоление и слом любых ограничений, – это преимущество, которое человек получил от идеи личностного Бога. Однако с расширением пределов свободы и человеческого творчества связаны и опасности. Главная из них – отказ от существования единой для человечества системы *этических норм*.

В настоящее время многие философы, культурологи, искусствоведы констатируют смысловой кризис, даже духовно-идеологический вакуум, который представляет серьезную угрозу в эпоху стремительного научно-технического про-

гресса, в частности, и появления все новых видов оружия. Периоды духовного упадка сопровождаются деградацией фундаментальных, общепринятых моральных норм и ограничений, разделяемых всем культурным человечеством. Особенно опасна эта тенденция в международных отношениях. Явным признаком нравственного упадка служит *привыкание* общества к постоянно выявляющимся фактам лжи в распространяемых на весь мир передачах СМИ и даже в выступлениях высших представителей государств, к сообщениям о массовых убийствах, убийствах детей и женщин, к тайно одобряемым официальными властями операциям геноцида и бесчеловечным пыткам. Этим сообщениям никто не удивляется: дескать, так всегда было и всегда будет. Но это неправда. В периоды, когда большинство народа – искренне верующие в традиционное религиозное учение, или когда оно охваченное энтузиазмом общественного подъема видит возможность своего в нем участия, тогда моральные нормы и запреты обретают силу и значимость. Сократ знал, что его могут осудить на изгнание или на смерть, и ему придется выпить яд. И наверняка греки не издевались над пленными персами, как американские военные над иракскими пленными и террористами и даже над их трупами в 2003 г. н.э. Трудно представить что-то подобное в войне французов и русских 1812 г. или даже в «Мертвом доме», о котором писал Достоевский. Во времена духовного падения увеличивается доля тех, кто готов во имя своих личных или групповых целей отбрасывать рамки общечеловеческой морали и даже создавать деструктивные идеологии типа фашизма, расового превосходства, насильственной исламизации и т.п.

Для китайской цивилизации (по-видимому, и для других восточно-азиатских культур) *этика выше политики* [10]. Религиозные верования и обряды существенно различаются у разных народов, этносов. И великие азиатские империи, включавшие эти народы, обычно терпимо относились к разнообразию религий. Нетерпимым считалось предательство, нарушение традиционно установленных, «естественных» этических норм.

В современных условиях однополярного мира лозунг приоритета «общечеловеческих ценностей» фактически фальсифицирован. Он превратился в оружие для навязывания всем народам и государствам западных ценностей, для подрывных операций в странах, политика которых противоречит интересам Америки. Возможно, повышение роли Китая и других стран восточно-азиатского региона приведет к усилению значения этических норм и ограничений в отношениях между странами и государствами. Для формирования *многополярного мира без войн* [9] эта тенденция может иметь важнейшее значение.

2.3. Антисистемные вероучения и идеологии. Знак опасности

Вера в реальность иного мира, не менее яркого и «живого», чем мир земной, а чем-то и более привлекательного, принесла человечеству небывалую Свободу. Но иной мир был не только убежищем от земных бед и страданий. Возникли учения, которые признавали именно этот иной мир настоящей реальностью, или родиной человека. Гностические секты, манихейство, катары³ и богомилы, – всех их объединяет вера, что материальный мир и человеческие тела созданы Богом Зла и Тьмы (часто его отождествляли с ветхозаветным Иеговой). Борьба с ним Бога Света и Добра – главный смысл космической истории. Бессмертная душа человека – это искра Света, которая должна быть освобождена из темницы тела воздержанием и молитвой, постоянным подавлением низменных элементов своей сущности [14, гл. 4 и 5; 13, разд. 4]. Христианская вера в неизбежную гибель всего человечества с последующим воскресением праведников в Царстве Небесном стала переплетаться и даже сменилась верой и страстным стремлением к личному освобождению из мира страданий.

Что делать человеку, если он теряет то, что составляет смысл его жизни? Часто человек или целое сообщество людей попадают в ситуацию «несовместимую с жизнью», когда «дальше так жить нельзя», но путей выхода – нет. И тогда вдруг становится очевидным, что смерть, готовность пожертвовать собственной жизнью и убить другого – это последнее и единственное средство Спасения. Ни угнетенный, ни угнетатель не может стать неуязвимым, ибо человек смертен. Бог, когда создавал человека, заложил в него способность умирать и убивать. Но и заповедал: знай, что убивать и других, и себя – великий грех. Если человечеству когда-нибудь удастся изменить свою природу так, что человек окажется неспособным убить, как описал Станислав Лем в повести «Возвращение со звезд», – это будет уже не человечество, а иной вид. Это не оправдание террора. Это только констатация фактов.

В результате развития духовно-идеологических учений и верований об ином мире противостояние идей Жизни и Смерти стало терять свою остроту и приоритетность, которая естественна для человека как биологического существа. Это послужило основой для формирования наиболее агрессивных еретических учений, а затем и вполне светских идеологий, рассматривающих войну, террор и даже

---

³ Катары – приверженцы еретического учения, распространившегося в Южной Франции (а также во Фландрии и Италии) в XI–XIII вв. Оно легло в основу движения альбигойцев, разгромленного в результате крестового похода рыцарей Сев. Франции и французского короля в 1209–1229 гг.

средства массового уничтожений людей вполне оправданным естественным орудием решения идеологических и политических задач.

Антисистемные религиозные учения и идеологии античности и средневековья, ставившие ценность Смерти выше ценности Жизни, были побеждены авраамическим монотеизмом. Христианство, ислам, иудаизм создали надежную духовно-идеологическую основу для быстрого технического и экономического развития Европы, Византии, Ближнего Востока. Возникновение в Европе экономической цивилизации, культуры европейского Модерна, капиталистической системы выдвинули материально-прагматическую установку на безальтернативно приоритетное место по сравнению с религиозными идеями и структурами. Однако духовно-идеологические факторы не утратили своего влияния на исторические процессы. Образ рая, Царства Небесного трансформировался в образ всепобеждающего научно-технического и социально-экономического Прогресса и Светлого Будущего. «Культура Смерти» появляется в форме экстремистских, крайних течений во всех крупных духовно-идеологических движениях, ядром которых служит обычно вполне жизнеутверждающая концепция.

Возьмем христианство. Войны против катарской ереси (так называемый Крестовый поход, объявленный папой Иннокентием III в 1202 г.) «занимают одно из первых мест среди наиболее ужасающих и безжалостных конфликтов, в которых доводилось принимать участие людям» [13, с. 165–175]. Вот описание резни, устроенной руководителем христианской армии под предводительством аббата цистерцианского ордена Арнольда Амальрика во французском городе Безье, первом городе катаров, подвергшемся нападению. В городе проживало до нескольких тысяч катаров, но католики составляли большинство. «Ни крест, ни алтарь, ни распятие не могли спасти горожан. Беспутствующая толпа оборванцев убивала священников, женщин и детей. Сомневаюсь, что хотя бы одному человеку удалось выжить!» На вопрос рыцарей, как отличить католиков от еретиков, Арнольд Амальрик ответил знаменитым изречением (на латыни): «Убивайте всех, Бог узнает своих».

Особенно жуткую резню устроили рыцари в церкви Марии Магдалины, где собралось множество катаров и католиков, старых и молодых, женщин и детей. «Ступени алтаря были мокры от крови. Потом они казнили монахов, звонивших в колокола. Они рубили им головы на серебряном кресте». По современным оценкам в Безье было убито от 15 до 20 тыс. человек.

На протяжении всей писаной истории идет борьба между силами, стремящимися к утверждению ценности жизни, расширению пространства нормальной Жизни, его надежности и безопасности, и силами готовыми использовать Смерть для торжества Идей и Смыслов, которые они считают сверхценными. И всегда эта

борьба сопровождается неопределенностью, неоднозначностью различения и интерпретации категорий Жизни и Смерти, Добра и Зла. В последнее время само различение и противопоставление принципов Добра и Зла в культуре и философии, их оценочное, направляющее, стимулирующее значение становится все более условным и проблематичным. И это не в последнюю очередь связано с ослаблением силы и приоритетности идей Жизни и Смерти, которые всегда являлись основным элементом такого различения. Александр Неклесса, описывая новейшие тенденции в культурной и духовной сфере, говорит о возникновении «Цивилизации смерти» (Независимая газета. 2014. 29 окт. С. 10).

В связи с беспрецедентным развитием средств коммуникации массовой информации, развитием гуманитарных и общественных наук, разработкой технологий формирования общественного сознания и манипулирования им, эта область знаний по своей значимости для прогресса человечества, по критической важности для его глобальной безопасности становится на тот же уровень, что и знания технические и естественно-научные, а то и приобретает приоритетную настоятельность.

Уже опыт Советского Союза и других социалистических стран показал, что методы агитации и пропаганды могут играть роль важнейших факторов ускорения экономического и научно-технического развития. В настоящее время регулярно используемым и едва ли не главным оружием в современных войнах и межцивилизационных столкновениях стали технологии манипулирования общественным сознанием. Необходимо учитывать, что использование любых новых знаний в целях войны и разрушения, как правило, обгоняет их применение в мирных целях. В XX столетии возникло движение нацизма (чаще его называют фашизмом), ставшее символом огромного разрушительного потенциала, который может иметь деструктивная идеология.

После теракта в пригороде Парижа 7 января 2015 г., когда джихадисты, зайдя в редакцию юмористического еженедельника «Шарли Эбдо», расстреляли 10 человек, в интернете появился выразительный клип. С одной стороны лежат авторучка и фломастер, с другой – автомат Калашникова и граната. Его идеологический смысл заключается в бескомпромиссном противопоставлении фундаментальной ценности современной европейской цивилизации – свободы слова, свободы информации, террору и насилию. Нельзя не приветствовать многочисленные демонстрации в Париже и других городах Франции и Европы в защиту этой ценности – великого достижения человеческой истории. Но этот энтузиазм используется, чтобы сделать эту ценность не обсуждаемой, не ограниченной правами и свободами остальных людей. Любые попытки установить рамки этой свободы, «это не

свобода оскорблять и осквернять святыни!», – такие попытки объявляются враждебными идее Свободы. И тут обнаруживается, что направление этого энтузиазма опасно. Оно разрушает ценность самой идеи Свободы.

Опыт не только современной эпохи борьбы с террором, но всей истории свидетельствует: принцип неограниченной свободы информации контрпродуктивен. И сейчас, и всегда противостоят друг другу силы Добра и силы Зла. И они разделяются не по простому признаку «идеи против насилия». Такая простота может оказаться хуже воровства. Христос призывал к жизни без насилия. Но Он знал природу человечества, знал, что Он «принес не мир, но меч». Сейчас дело не только в том, чтобы добро было «с кулаками». Главный фронт перемещается в духовно-идеологическую сферу. Там идет формирование сил Добра и сил Зла, идет процесс распознавания, кто свой, и кто противник. Там «у жизни и смерти еще не окончены счета свои».

Важнейшая духовно-идеологическая борьба идет сейчас в рамках ислама. Теории и художественные образы, унижающие символы и святыни великой религии с точки зрения вроде бы общепринятых, «общечеловеческих» ценностей, ведут к противопоставлению цивилизации ислама и цивилизаций христианских. «Шарли Эбдо» сам изобразил своего главного редактора Стефана Шарбонье в поясе шахида с номерами журнала в качестве толовых шашек. То есть журнал ясно понимает и признает, что он по существу такой же террорист, как шахиды ислама, только воюющий на стороне другой цивилизации. И политики Европы, вместо того, чтобы отделять экстремистское крыло от ядра мировой религии и своих «шахидов атеизма и свободы» (Александр Фролов) от ценностей великой европейской культуры, – вместо этого защищают своих духовно-идеологических провокаторов и поощряют их смешивать террористов со всей цивилизацией ислама. Это не борьба за свободу слова и свободу творчества, а провокация, подталкивающая человечество к новым войнам.

Все это доказывает непреходящую актуальность изучения генезиса антисистемных учений и идеологий, их по возможности более ясное и четкое определение, их отделение от тех идей и верований, которые необходимы для нормальной жизни и развития человеческого рода, далеко не простые вопросы различения тех и других, оценки их воздействия на историю человечества. Разрушительные, деструктивные течения, ереси, идеологии заслуживают специального и приоритетного изучения и не меньшего внимания, чем позитивные, конструктивные учения и идеологии.

Одна из главных задач любой конструктивной идеологии – утвердить ценность и величие героизма, готовности к страданиям и смерти во имя идеи и отде-

лить, противопоставить ее идеологиям деструктивным. Конструктивная идеология зовет к героизму во имя Жизни человека на земле, которая признается великой ценностью, полной Красоты и Добра, даром Бога. Если окружающая реальная жизнь далека от этого образа, то идеология должна вселять веру в возможность такой жизни в Будущем, указывать пути к нему. Характерной особенностью многих экстремистских идеологий служит то, что они направляют внимание своих сторонников на мерзости, на несправедливость существующего общества, на его враждебность к человеку, не показывая одновременно продуманного реалистичного альтернативного устройства общества и путей его достижения. Фактически такие идеологии паразитируют на традиционных этических системах, которые признают высшей ценностью само по себе геройское поведение и готовность к жертве во имя общепризнанных абстрактных символов (например, ложно понятых националистических или религиозных доктрин, как у фашистов или ваххабитов). В результате оказывается, что готовность молодежи жертвовать жизнью превращается в готовность оставить поле боя (землю) противникам, лишь бы уйти от тяжести и сложности жизни.

2.4. Выделение человека из жизни Вселенной

Когда-то человек был приобщен, причастен к жизни богов и природы и эту причастность он непосредственно ощущает. У греков и римлян, у славян и германцев в языческие времена не возникает сомнений в истинности той картины мира, в которой человек был необходимой и важной частью всего мирового бытия. Даже в условиях единобожия, когда Бог стал всеобъемлющей Сущностью, сохранилась с Ним диалогичная межличностная связь. Хотя Он бесконечно превосходит человека, но Он – личность, и Он также нуждается в человеке, как и человек нуждается в Нем. Для христианства главной идеей, главным смыслом является любовь к Богу, как к отцу, и ко всякому человеку, – как к брату. Любовная причастность часто распространяется и на Божье творение.

Еще в Средние века с развитием образования, в частности, в богословской схоластике, а особенно с распространением научного мировоззрения в культуре Западной Европы выявляется более высокий приоритет *рационально-логического*, рассудочного подхода к проблемам и вызовам, которые встречают отдельный человек и общество. Остальные психические функции, например, художественно-эстетические или парапсихические способы освоения мира, его познания, – к ним постепенно теряется доверие как к пути достижения истины. Ценность интуитивного и эмоционального отношения к миру отступает на второй план. По мере

научного и технологического освоения природной, материальной окружающей среды сверхъестественные и чудесные явления и факторы вытеснялись из центра духовной жизни на периферию, их значение снижалось.

Это направление развития неразрывно связано с повышением роли и статуса *Деятельности* в процессе формирования западно-европейской цивилизации нового времени, – целенаправленного воздействия на внешнюю среду, ее преобразования в соответствии с представлениями, желаниями, целями собственного Я. Развитие мыслительного, рационально-логического отношения к миру повышает значение выделенности из общей массы впечатлений, образов, вызовов того, что рассматривается как Я, Мое. Это осознается как Субъект, а все, лежащее вне Субъекта, получает статус объекта. Западное преображение духовной сферы, поставившее в центр принцип Деятельности, привело к тому, что понятие *истины* стало применяться только для обозначения соответствия высказывания объективной реальности. Из него исчез смысл соответствия моральному закону мира (исчез, как и само понятие об этом законе).

Ощущение причастности к жизни мира, а тем более любовное отношение к нему как Божьему творению, все больше сменяется нейтральным и даже агрессивным. Это наверняка способствовало утверждению научного мировоззрения, рассматривавшего мир и все вещи и тела как механизмы. Однако это же субъективно-объективное отношение к миру и к познанию стало для многих источником тяжелого ощущения *одиночества* человека, *чуждости* его остальному миру.⁴ Экзистенциалисты потом назовут это состояние «*заброшенностью*» в мир, христиане называют *богооставленностью*. Вместо «Божьего мира» человек оказался затерянным едва различимой частичкой в холодной и чуждой ему вселенной, с которой не может быть других отношений, кроме борьбы с целью победить ее, использовать, получить выгоду. Хороший лозунг «природа – это мастерская, и человек в ней – работник». Но ведь она еще и дом человека!

Человек все больше понимал (в частности, с развитием науки), что он – не центр мира, что Вселенная полна событий и сил неизмеримо более мощных, чем те, на которые он может повлиять. Это стало важной причиной духовного кризиса, кризиса смыслов. Успехи науки привели не только к гордому сознанию могущества человеческого Разума, но и к переживанию своего ничтожества. Николай Кузанский из факта бесконечности Вселенной выводит очевидное заключение, что ни Земля, ни Человек не могут быть центром мироздания. Затем уже Наука доказала,

---

⁴ Это основная причина того большого значения, которое придавали практически все философы категории *отчуждения*.

что Земля – одно из бесчисленных небесных тел, песчинка, затерянная в бесконечном пространстве. А что же такое Человек? – «Это только мыслящий тростник, колеблющийся от каждого ветра бытия». Рационально-логический разум не может дать человеку опору, чтобы преодолеть охватывающее его отчаяние: человек оказывается «на грани двух бездн – бездны бесконечности и бездны небытия». Это констатация Блэза Паскаля, жившего еще в середине XVII века. Он едва ли не первый из философов, который выразил трагичность, бессмысленность, ужас бытия для человека, воспринимающего свою роль в мире только через призму научного мировоззрения. Прошли три столетия великих побед человека над природой, и вот в XX в. практически аналогичные отчаяние и ужас от онтологической бессмысленности человеческой жизни переживает Альбер Камю.

Выход из духовного кризиса человечество нашло в переоценке роли собственной истории. С развитием производства и науки повышалась и роль общественной жизни. Постепенно научились находить Смысл в совершенствовании жизни общества, его технических и познавательных возможностей, а не только в совершенствовании нравственности, поведения, культуры каждого человека как личности. Главным местопребыванием надличностных Смыслов становится История. В эпоху Просвещения в Европе, а затем и во всем мире утвердилось представление о нормальном состоянии человечества как о постоянно развивающейся системе. Важнейшей целевой установкой и смыслом деятельности стал символ Прогресса. Что такое история человечества? – Этот вопрос и сейчас остается актуальным и дискуссионным. Есть ли это последовательность смешных и трагичных заблуждений, во имя которых проливались реки крови? Или это ступени восхождения Человека к высотам, с которых открываются все более широкие горизонты Знания и Гармонии, школа совершенствования человечества, лестница его возвышения? Верующий во Всевышнего Бога может представлять историю как школу, в которой Бог воспитывает и обучает человечество.

Современные образованные люди, в большинстве атеисты, как правило, не мыслят метафизическими категориями земного и небесного мира. Принимать ли мир, в который они «заброшены по воле рока», или отвергнуть его и проклясть, любить его или ненавидеть, – этот вопрос оказывает на их жизнь и поведение не менее серьезное влияние. Часто он принимает вид вопроса о смысле жизни (или ее бессмысленной пустоте), о долге перед родиной или перед человечеством. Нередко человеку трудно найти на него положительный ответ, особенно в переломные периоды истории. Это в большой степени определяется его социальным положением. Среди представителей «уходящего класса», теряющего свое место и роль в новом

социально-экономическом устройстве, растет число людей, готовых на убийство или на самоубийство, убежденных в необходимости войны или революции.

Художественная литература демонстрирует многообразие характеров, по-разному реагирующих на потерю привычного уклада. В теории психологических типов описан тип, ориентированный на будущее (даже если оно полно неопределенности). Такие люди с радостью принимают перемены и, наоборот, могут возненавидеть давящую атмосферу социального застоя и неподвижности. Они чаще выбирают технические или научные специальности. Альтернативный тип ориентирован в основном на прошлую личную жизнь, проявляет интерес к картинам жизни в ушедшие исторические эпохи. Это обычно эмоциональные и художественные натуры. Как правило, они выбирают специальности, близкие к искусству, литературе, гуманитарным наукам (см., например, [30, разд. 2.5]). В разделе 4 приведено сопоставление отношения к жизни различных социально-психологических типов из пьес Чехова и Горького. Среди поэтов и композиторов много людей с резкими перепадами (в течение нескольких лет или даже месяцев) психического состояния от душевного подъема к депрессии и обратно.

Различие и борьба двух смысловых начал, Духа (идеалисты) и Материи (прагматики), – это вечное противоречие и вечная движущая сила человеческой Истории⁵. Эта борьба приобретает разные облики и проявляется в разных видах человеческой активности. В разные периоды побеждает, доминирует то одно, то другое начало. И всегда человек при победе того или другого, по своей ограниченности, по своему несовершенству не способен вовремя остановиться на их гармоничном равновесии. Победившее начало продолжает уничтожать все, что мешало его господству, и просто все, что для него чуждо, – и становится символом реакции и подавления новой Жизни.

С утверждением в Европе, а затем и в других регионах мира, приоритетов экономической цивилизации и системы капитализма, внимание большей части духовно-интеллектуального сообщества переключилось с метафизических проблем, поиска Смыслов жизни, роли человека в мире на задачи устройства общества и другие земные проблемы. Одним из немногих «полюсов», где продолжается интенсивный духовный поиск, является пространство ислама. Поиски приводят к различным трактовкам великой исламской традиции. Дальше мы коротко очертим позицию радикального ислама в интерпретации одного из наиболее глубоких интел-

---

⁵ При этом, конечно, само разграничение в понятиях материально-прагматической и духовно-смысловой сфер в жизни общества всегда было и остается достаточно условным и проблемным.

лектуалов – представителей этого направления, Гейдара Джемалю, а также альтернативную позицию по работам Айрата Бахтиярова.

2.5. Идеология радикального ислама (по Гейдару Джемалю)

О роли смерти по Г. Джемалю [21, с. 46–47]⁶: «Безусловное различие, проходящее внутри человеческой массы, красной нитью делящее человечество на несовместимые друг с другом половины», – это «отношение к смерти. С одной стороны стоят те, кто носит свою смерть внутри себя, для кого она – реальный центр их существа, не то, что «случится» с ними когда-нибудь, в неопределенном витальном будущем, но то, что составляет именно суть актуального здесь-присутствия. Эти люди составляют кадровую основу религии единобожия, даже если они на данный момент по превратностям биографии, среды и т.п. являются атеистами или исповедуют какие-то случайные идеологии. Они по своей конституции предназначены для армии духа, именно их называют модным словом «пассионарии»....

Для других же смерть есть нечто категорически внешнее..., максимально виртуальная, «исчезающе малая» возможность. Мощной действительностью, вытесняющей смерть со всех горизонтов, для таких людей оказывается само общество, которое они воспринимают, как некий пир, праздник солнца. ...Они верят, что даже самое ничтожное и заброшенное существо при определенном упорстве и везении может повысить свой уровень потребления. И тем самым внести свой вклад во всеобщее дело вытеснения смерти в полную невозможность...».

Авраамическая традиция монотеизма дает альтернативу, оппозицию непреодолимому для человека причинно-следственному механизму (в древнегреческой культуре – это Рок), то, «что идет против потока тварного существования». Это воля Творца. Мученик, предавший себя воле Бога (шахид), своей смертью свидетельствует, что такая оппозиция существует [21, с. 55].

Автор показывает нынешнему интеллектуалу, невежественному в духовной проблематике и религиозной истории, глубинный смысл центрального в исламе понятия джихада. Это «крайнее, напряженнейшее усилие, преодоления инерции, борьба с ничтожным внутри себя и с агрессией ничтожного снаружи» [21, с. 77]. Г. Джемаль во всех аспектах вскрывает истину: мир плывет по течению, или неудержно катится к бездне, точнее, к «финальной битве двух полярных сил, раско-

---

⁶ В дальнейшем я привожу много дословных цитат из книги Г. Джемалю [21], поскольку боюсь исказить смысл его образных философско-теологические текстов.

ловших человечество: 1) силой нормального, подлинного, противостоящего гнило-лостным, распадным, энтропийным процессам, силой, направленной вверх на соединение с первым и единственным Принципом всего сущего, силой ислама, с одной стороны, и 2) силой инерции, фальши, самодовольства, кощунственной арлекинады, демонической жажды контроля, иными словами, силой кафирского неоглобализма, – с другой» [21, с. 83].

Перенос акцента с «внутренней священной войны» в Духе (Великий Джихад) на «священную войну» в физическом мире (малый джихад) – это признак фундаментальной причины нынешнего ослабления исламских стран – «ослабление самой веры» [21, с. 79–80].

По Г. Джемалю, «чистое христианство и чистый иудаизм – это ислам». Суть авраамического монотеизма – противостояние Року. В этом, конечно, есть определенная правда. Большинство истинно верующих (и не только мусульман, но и всех авраамических религий) наверно согласятся, что человечество – в кризисе. Доказательством этому служит то, что происходит ослабление веры: «для верующих стали возможными, терпимыми, даже привычными вещи, которые абсолютно несовместимы с исламом [21, с. 80], что «арлекинада, кривляние, подмена и фальсификация – эти обязательные приметы Сатаны – стали доминирующим типом общественной жизни» [21, с. 73]. Яркое и убедительное представление этой картины мира Г. Джемалем не вызывает категорического несогласия и отторжения у читателя, воспитанного на иной, не столь радикальной культурной и религиозной традиции.

Однако безусловное неприятие вызывает то, что он главным знаком, главным символом Божественного послания считает Смерть. «В центре исламского послания стоит Смерть» [21, с. 109]⁷. Жизнь – это противостояние смерти и прекрасный дар человеку от любящего Бога. Отрицание этой истины фактически означает отрицание ценности всего тварного мира. Творец создал все великое многообразие мира и все его красоты, и Он вложил в человека способность восхищаться этой красотой и любить ее. Ни один христианин не согласится, что главный признак человека из «армии духа» – то, что он «носит смерть внутри себя» и не пытается «повысить свой уровень потребления» и «внести вклад во всеобщее дело вытеснения смерти». Если не знать, что автор – виднейший деятель ислама, то можно подумать, что это идеи гностиков или катаров.

---

⁷ Автора, видимо, вовсе не смущает, что его главный символ так напоминает символы и ритуалы, например, такого тайного общества, как американское братство «Череп и кости», которое в свое время сотрудничало с нацистами и которое считается одним из четырех тайных или полутайных обществ, составляющих мировое правительство.

По Г. Джемалю, «История человечества начинается с пребывания Адама в раю, который он утратил. И с тех пор (в лице своих потомков) не перестает деградировать» [21, с. 72]. Абсолютный враг духа – диктатура слепой судьбы, это Рок. Две его ипостаси – власть времени и власть общества. Но враг – не только деградирующее общество. «Общество – это такой же страшный механизм, работающий по законам причин и следствий, как и весь физический космос».

В христианстве и всей культуре, выросшей в христианской традиции, смерть – это враг (и именно поэтому врагом является власть времени). Преодоление смерти – вот великая победа духа, к которой может причаститься («приобщиться») христианин. По Г. Джемалю, приобщение к Богу невозможно. «Разница между Богом и тварью бездонно велика... Между скульптором и его творением есть связь, общая основа. Между тварью и Творцом нет общей основы» [21, с. 18].

Быть готовым к смерти во имя Жизни, жертвовать собой во имя Любви к Богу или к его творениям – это понятно. Но как жить и умирать во имя проекта Творца, цели и смыслы Которого принципиально непостижимы и недоступны ни для твоего интеллекта, ни для эстетического чувства? Богу не нужны ни твоя жажда познать Его через Его творение, ни потребность открыть его красоту и совершенство для тех, кто их не видит. Для «предавшегося (Богу)» («муслима») нужна только одна психологическая способность к безграничной вере. «Пророки напоминают человечеству, что оно есть только глиняное орудие в борьбе духа. И та часть человечества, которая поймет и примет свою глиняную функциональную природу, становится избранной» [21, с. 49]. Человек является только «инструментом Провидения» (раб Бога). Он создан ради осуществления провиденциальной цели Бога, ведомой лишь Ему Самому: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете» [21, с. 100]. Из текстов книги все же выявляется тот смысл, замысел Творца при создании человека (как видит его Г. Джемаль), та роль, которую отводит ему Творец в мироздании. Этот смысл сводится к «чистому финализму, оппозиции всякому возможному бытию... Человек поставлен Богом ... в роли конца всех вещей, в центре которых он поставлен» [21, с. 398]. Проще говоря, это роль ликвидатора.

Но такой ли инструмент нужен Богу, который «не имеет права давать волю сомнениям» [21, с. 21]? Ведь раб может быть не только исполнителем. Гораздо ценнее раб, который знает цель и вдохновлен величием проекта. Скорее всего, именно недостаток самостоятельного мышления и «центров по изучению лжеучений и духовных соблазнов» (это наше предложение) позволили Люциферу – Иблису – Деннице так мощно развить в современном мире технологии манипулирования сознанием – основное оружие Сатаны. В современном, таком сложном мире вряд ли могут любые исполнители не делать ошибок при поисках пути. А если они

не имеют права на сомнения, то раз уверовав в еретическое учение лжепророка, человек будет уверять себя, что он не должен нарушать верности.

Чтобы человек мог давать оценку и делать самостоятельный выбор, хотя бы в пределах, определенных догматами его веры, он должен собственным разумом и сердцем различать Добро и зло, Красоту и безобразие. Чтобы действовать, он должен иметь Образ цели, желаемого результата своих действий. Радикальная концепция Г. Джемаль содержит только «Образ врага» – современного процесса глобализации, подавляющего те искры духовности, которые заложены в человеке, и превращающего его в бесформенную «субстанцию, «протоплазму», глину, из которой он слеплен» [21, с. 44]. Она не предусматривает каких-либо пособий и опор для самостоятельного различения, выстраивания стратегий и т.п. воинами Аллаха. Награда и оценка их усилий ждут их только после воскресения в день Страшного суда. Целью ислама является «установление закона Аллаха, высшей религиозной и политической власти на земле» [21, с. 35]. Для пассионариев армии духа эта концепция предусматривает как главную психологическую составляющую их деятельности – волю к власти: «Воля к смерти, которая является жертвенной, пассионарной моделью высшего религиозного типа, является и волей к власти» [21, с. 105]. Эта ницшеанская установка показывает пути сближения идеологии радикального ислама с протестантскими фундаменталистскими сектами, которые используется глобалистскими силами Запада.

Г. Джемаль подчеркивает задачу разделения верных и неверных, поляризацию сил ислама и сил инерции, фальши, бездуховности. Другая сторона, другая ипостась ислама раскрывается в недавно вышедших книгах Айрата Бахтиярова «Путь восприятия Сердца: от Сердца к Сердцу» [22] и «Размышления о вере. Зачем верующему Коран?» [23]. Это «объединяющая» идеология и теология. В этих книгах дана общая концепция развития и совершенствования человечества как единого сообщества, как процесса «обучения объединяющему способу мировосприятия» для поддержания «гармонии всех частей Единого, Единой жизни». Осознание ценности и эффективности духовного единства, отождествление своих интересов с интересами Целого – этот путь открывают и проповедуют в своих Откровениях все монотеистические религии.

В концепции А. Бахтиярова символом идеального, «целевого» состояния служит не прошлое, или покой, но Гармония, гармоничное Единство Жизни. А. Бахтияров верит, что «наступит миг, когда наши жертвы будут приняты, – Он откроет наши сердца и поселит в них свою Любовь. Тогда мы в единстве Любви сможем дарить Ему, предлагая всего себя, любовь своих сердец, и быть благодар-

ными, не забывая просить у Него прощение за всю «ту боль, которую мы Ему причинили» [23, с. 53].

Общение с Богом, к которому стремится верующий человек, учит смотреть на любой конфликт с точки зрения Творца, который отвечает за все мироздание. Если ты любишь Господа, ты должен подумать: «А каково Ему управляться со всем этим сложным миром, со всеми нами – часто такими глупыми и злыми? Неужели я доставлю Ему еще дополнительную печаль и трудности своим своеволием и нарушением Его учения?»

В отличие от трактовки радикального ислама Г. Джемала, построенной на воле к смерти, ислам А. Бахтиярова есть учение о гармоничном мироздании, о гармонии между смыслами Жизни и Смерти.

Метафизика радикального ислама разворачивается Джемалем и в соответствующие политико-идеологические установки. Он называет свою концепцию *революционным исламом*. Но это неправомерное использование понятия революция. *Революция* – это разрушение существующей социальной системы во имя иной, строящейся на известных, более совершенных принципах.

Но концепция Джемала не представляет иных принципов построения общественной системы, во имя которой должны бороться революционеры. Г. Джемаль отвергает все реализовавшиеся в истории социально-политические организации и институты, поскольку они порождают бюрократию и иерархию (которую он называет не иначе как «пирамидой»), т.е. систему угнетения и несвободы. Это относится как к транснациональным корпорациям, так и к противостоящим им национальным государствам. Любая клерикальная иерархия является для него «иерархией попов» или «муллократией». Даже самая революционная партия – большевиков не смогла избежать превращения в великодержавную партию бюрократов. В «Манифесте нового Интернационала» он пишет: «Во все времена истории по отношению ко всем народам земли существует один и тот же тиранический субъект – организатор социальной макропирамиды. Это единый хозяин исторического процесса, который через все меняющиеся экономические формы, цивилизационные облики, сословные модификации порождает одну и ту же несвободу и является онтологически преемственной корпорацией власть имущих... Бюрократически-силовая структура государств, международная бюрократия, пестрая палитра государственных и частных спецслужб, масс-медиа – весь этот огромный аппарат защищает право нового «корпоративного фараона» на проектирование и воплощение судьбы всего человечества, как его собственной «фараонической» судьбы» [21, с. 384–385].

По Г. Джемалю, носителями пассионарного нонконформизма остаются теперь только «одинокие герои», а наследниками воинской касты кшатриев – подпольные группы сопротивления Системе и полевые командиры. Возникает законный вопрос. Если ни один из реализовавшихся в истории типов организации общества не избег бюрократизации, клерикализации, угнетения, несвободы, то почему можно надеяться, что новая революция приведет к иному результату? И главное: что это за результат, какой тип общества достоин того, чтобы ради него создавать новую «армию духа» и новый Интернационал и подвергать мир разрушительному кризису и хаосу? Как стал бы управлять новый Интернационал – «штаб управления миром», если бы «возрожденная героическая элита» воинов Аллаха (по выражению Г. Джемалю, «костяк будущего управляющего класса») взяла власть? Разве этот новый класс избег бы участи любого правящего класса и любой властвующей элиты и не стал бы «корпорацией власть имущих», т.е. «субъектом угнетения»? Веру Г. Джемалю, что они приведут мир к обществу без бюрократии, без несвободы можно было бы назвать не концепцией революции, а наивным нигилизмом.

3. МАТЕРИАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ДУХОВНО-СМЫСЛОВАЯ УСТАНОВКИ

3.1. Стремление к личному обогащению

Одним их важнейших противоречий, проходящих через всю историю, является противостояние стремления к личному обогащению и власти и установки на обеспечение единства и процветания своего народа, этноса, духовного сообщества.

Великие успехи капиталистической идеологии и капиталистической системы в большой мере стали следствием освобождения в человеке инстинктивного стремления к обогащению. Это могучая энергия, с помощью которой человечеству удалось осуществить многие созидательные проекты. Но многие фундаментальные ценности и нормы, выработанные в процессе человеческой эволюции, при этом оказались разрушенными. Человечество еще не выработало механизмов, позволяющих использовать эту «ядерную» энергию в мирных целях, с гарантией безопасности. Единственный вид энергии способной ей противостоять, – это энергия духовно-идеологическая, смысловая, энергия *надличностных* смыслов. (Кстати сказать, подъемы духовной энергии тоже приводили к не менее разрушительным результатам). Подобно тому, как ядерную плазму в ускорителях научились удерживать и направлять в нужное русло с помощью магнитных полей, так же человечество путем многих опасных экспериментов вырабатывает социальные институты, духовные и этические механизмы, способные ограничивать, сводить к минимуму риски разрушительных «выбросов» энергии стяжательства.

Мировые религии проклинали «золотого тельца», мамону как врагов человечества. Поклонением окружали героев, проникающих в опасные области все более радикального *аскетизма*. Но радикальный отказ от энергии стяжательства аналогичен страху всех животных перед стихией огня. Великим прорывом в эволюции было «приручение» этой опасной стихии. Задача, которая стоит перед человечеством в отношении стремления к обогащению, – найти правила и институты, вытесняющие его на периферию смыслового, ценностного поля.

Современное человечество стало свидетелем великого события, духовному смыслу которого даются часто противоположные оценки и трактовки. Речь идет о мощном развитии и крушении социалистической системы в СССР и феноменально быстром развитии социалистического Китая. Чтобы дать смысловую трактовку этим событиями с точки зрения общей проблематики философии истории, надо рассмотреть их как этап на пути человечества к решению указанной выше задачи.

Коммунистическая идеология и советская система, опираясь на коллективизм и сакральную роль государства в российской цивилизации, сумели перенаправить стремление к богатству и экономическому процветанию как частной собственности – на богатство и процветание народа и государства. Однако с ослаблением духовно-идеологического «магнитного поля», «плазма» личного стяжательства стала быстро превращаться в криминальный беспредел и разрушение экономико-политической системы. Видимо, следует считать главной задачей не

конструирование институтов, ликвидирующих возможности личного обогащения. Задача состоит в том, чтобы создать систему Ценностей и Смыслов, принимаемых современным человеком, при которой *накопление богатства сверх разумного достатка* обладало бы отрицательной ценностью или, по крайней мере, занимало низкое место в шкале ценностей и смыслов жизни. Может быть, ставила бы стяжательство на одну доску с патологической зависимостью от алкоголя и наркотиков.

Одним из важнейших аргументов критиков капитализма и сторонников социализма была тотальная устремленность всех членов капиталистического общества к прагматизму и максимизации вещественного, материального богатства. Через эту проблему в число сторонников социализма приходили многие деятели культуры, творцы шедевров искусства. Одним из великих талантов эпохи борьбы за освобождение художественного творчества от сковывающих норм и требований ханжеской общественной морали, от «деспотизма народа» был Оскар Уайльд. У него есть работа «Душа человека при социализме» [32]. Ее главную мысль можно выразить так. Человек теперь порабощен «обязанностью» умножать свое богатство, повышать свое материальное благосостояние. И это относится как к бедным (общество им говорит: «стыдно быть бедным!»), так и в еще большей мере – к богатым. Ибо собственность накладывает обязанности, в частности, умножать свою частную собственность. И художник борется за освобождение от тирании собственности.

Капитализм возвысил роль предпринимателя как инициатора и организатора производства. Рынок как главный оценщик и распределитель результатов труда и творчества заставил всех, все человечество заниматься предпринимательством и организацией производства (или стремиться к этому, мечтать об этом). Возможно, это было необходимо человечеству в период раннего капитализма для развития экономики и технологий. Но это ли конечное предназначение человека? Сейчас большая часть этой работы выполняется профессионалами. И справедливо ли и целесообразно ли, чтобы львиной долей произведенных обществом продукции и финансов распоряжалась именно эта профессиональная группа? – На этот вопрос нет

однозначного ответа. Предприниматель – очень важный для общества человек, мы его ценим и уважаем. Но производство материальных благ и услуг – не единственная и не главная цель человечества, не главное занятие человека. Социализм и его советская реализация показывают другой Идеал общества и другой образ будущего для человечества. Советская литература, кино, вся советская культура демонстрируют, что возможно общество, где умножение богатства вовсе не занимает такого приоритетного положения в системе ценностей и жизненных смыслов, как при капитализме. Для людей важны достижения в других профессиях, любовь и личные отношения, стремление понять, как устроен мир...

Выбор, что в данный момент важнее и ценнее всего для общества, куда направить средства, как их распределить, должен определять весь народ, все общество. Общество в этом смысле должно быть демократическим, нужно народовластие. Как это осуществить – это отдельный вопрос. Но сказать, что единственный механизм для этого – рынок и частная собственность, явно не верно. Большую долю этих функций выполняет и должно выполнять государство.

Возвращаясь к аналогии «стремление к обогащению – ядерная энергия», надо признать, что человечество просто пока не нашло таких идейных сил, таких «смысловых полей», которые могут надежно удерживать и направлять энергию обогащения, не пытаясь обойтись без нее. Сама эта задача в таком виде была корректно поставлена, пожалуй, только в XIX в. Не прошло и двух столетий.

Стремление к частному обогащению нельзя рассматривать только как стихийную силу, действующую в материальном, прагматическом пространстве. Так же, как сексуальная, половая энергия, она имеет свое законное представительство в духовно-идеологическом пантеоне. Борьба авраамического монотеизма с этим опасным Духом или Джинном началась еще со времен пророка Моисея, когда он увидел, что евреи колена Данова установили два идола быков, отлитых из золота, и поклонялись им. С утверждением в Европе протестантской этики и идеологии капитализма, этот Джин был окончательно выпущен из бутылки. И загнать его обратно уже невозможно. Он стал реальным претендентом на мировое господство в форме геополитического субъекта, которого политологи обозначают как Фининтерн. И к концу XIX в. многие из тех, кто самоотверженно боролся за освобождение «Джина из бутылки», увидели, что он вооружен и очень опасен.

Все, кто интересуется историей, хорошо знают, что во время Первой мировой войны английские и французские фирмы продолжали поставлять стратегические ресурсы и даже вооружения вражеским странам. Например, в Германию через нейтральные Швейцарию, Данию, Норвегию шли французские взрывчатые вещества и британские сталь и даже торпеды. Во время Второй мировой войны Standard

Oil исправно снабжала фашистскую Германию нефтью через испанские Канарские острова. Даже после открытия второго фронта Третий рейх в 1944 г. ежемесячно получал 48 тыс. т американской нефти и 1100 т вольфрама. Но эти примеры высвечивают только наиболее наглядную, непосредственную заинтересованность крупных капиталистических организаций в получении прибыли вне зависимости от тех смертей и разрушений, которые явятся результатами их *коммерческих* операций.

Не обязательно изучать историю, чтобы знать, каким серьезным оружием являются деньги в руках политиков, финансирующих оппозиционные и террористические формирования для разжигания цветных революций и военных конфликтов в условиях финансово-экономической международной открытости (в частности, и наиболее разрушительные и бесчеловечные духовно-идеологические движения). Для этого достаточно следить за текущими событиями.

Для справедливости стоит напомнить, что причины и двигатели жесточайших войн могут носить и чисто духовный (религиозный или идеологически) характер. Взаимоотношения между материально-прагматическим стремлением к обогащению и культурными, познавательными, религиозными и т.п. чисто духовными смыслами и целями, не сулящими их адептам никаких материальных выгод, видимо наиболее адекватно представлять по аналогии с отношениями между символами *инь и ян* в китайской традиции. Они смогут находиться в состоянии жесткого или чисто условного противостояния, оценки и смыслы которых временами меняются местами и «перетекают» друг в друга. Попытки одной из сторон добиться «полной победы», полного доминирования над альтернативной стороной, оказываются контрпродуктивными. Человечество обречено «жить в двух мирах».

Другой аналогией можно считать часто используемый теперь призыв к частно-государственному партнерству, который оказывается наиболее эффективным способом достижения своих целей – как для государства, так и для корпораций. Они могут быть полезны друг другу, но в рамках этого партнерства обычно не прекращается борьба за приоритетность задач той или другой стороны, предъявляющих друг другу счета, «кто на ком больше ездит».

Дальше будет более подробно рассмотрен опыт реализации идеологии социализма в СССР и КНР в их противостоянии экономической цивилизации.

3.2. Советский Союз – система раннего социализма

В СССР была создана такая система, что стремление к личному обогащению не могло стать смыслом жизни: были предельно сужены как возможности заработать деньги, так и возможности богато жить, если все же деньги приобрел. И

люди находили иные смыслы бытия и иные сферы для своей активности. Именно ухудшение духовной ситуации в последние десятилетия советской власти и катастрофическое разрушение всей системы ценностей и жизненных смыслов после распада Советского Союза в 1991 г. стали главными причинами сначала роста алкоголизма, а затем демографической катастрофы 1990-х гг. В 1960-е гг. процент самоубийств в СССР был наименьшим из всех стран, где велась соответствующая статистика. Все это убедительно показано в работах И.А. Гундарова [1, 2]. Победа Запада в холодной войне и крушение СССР не свидетельствуют о тупиковости идеи социализма.

Процессы новой и новейшей истории можно трактовать в рамках теории цивилизаций и этногенеза (Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Лев Гумилев). На рубеже первого и второго тысячелетий христианская цивилизация в Западной Европе пережила глубокую трансформацию, связанную с освоением новых технологий производства, миграционно-этническими процессами, преобразованием институтов государства и церкви. Может быть, важнейшим аспектом этой трансформации была идейно-религиозная борьба. Все это привело к таким серьезным изменениям образа жизни и ее смыслов, что можно говорить о возникновении новой цивилизации – цивилизации европейского Модерна или, в более узком смысле, экономической цивилизации [3]. Создание СССР и затем всего социалистического содружества, – по историческому масштабу это аналог трансформации, произошедшей в Западной Европе в предыдущие века.

Однако у русского этноса, который был главной опорой и двигателем нового социалистического мироустройства, не хватило сил для противостояния давлению капиталистической цивилизации Запада, еще не истратившей своей энергии развития и накопившей большие материальные и интеллектуальные богатства. Русский народ (или цивилизация) понес тяжелейшие потери в двух мировых войнах и в гражданской войне, завершающим этапом которой можно считать период массовых репрессий 1930-х гг. Эти потери понесла в первую очередь наиболее активная, творческая, пассионарная часть населения, т.е. элита в прямом смысле этого слова. Надо прибавить еще и значительную долю эмигрантов. У народа не хватило, прежде всего, духовных и интеллектуальных сил, не хватило мудрости, чтобы смягчить конфликты между пассионариями-революционерами, «термидорианским» большинством, «глобалистами» и государственниками. Если бы не было таких потерь, возможно, удалось бы так повлиять на духовную обстановку в мире, чтобы не допустить к власти в Германии фанатичного расиста Гитлера и избежать мировой войны. Или хотя бы отодвинуть ее начало и сделать менее разрушительной.

Возможность сократить потери духовной и интеллектуальной элиты сделало бы более вероятным для Советского Союза сценарий гибкой экономической и идеологической политики, сценарий «китайского пути» (использования капиталистических институтов в экономике без ослабления власти государства и Компартии для быстрого сокращения отставания от лидирующих стран по уровню жизни).

Конечно, вероятность преодолеть цивилизационное воздействие «богатого и умного» Запада не велика в любом случае. Китаю это удастся потому, что он в значительной мере защищен от такого воздействия барьером различия китайской и европейской цивилизаций (подобно тому, как США защищены океанами). Несмотря на этот барьер, влияние западной цивилизации и на Китай очень велико. И его судьба в долгосрочной перспективе остается проблематичной. Даже в нынешний век массовых информационных технологий требуется очень длительное время, чтобы произошли устойчивые изменения в глубинных цивилизационных кодах почти полутора-миллиардного китайского народа, защищенного этим барьером, как островные флора и фауна – океанами.

Главным фактором разрушения советской социалистической системы стало поражение нашей властвующей элиты в информационно-идеологической войне. Если бы ей удалось «продержаться» еще несколько десятилетий, приход новых поколений позволил бы активизировать процессы совершенствования идеологических установок и институциональной системы, процессы более глубокого взаимопонимания и взаимного обогащения между системами социализма и капитализма (их *конвергенции*). Пассионарный толчок, связанный с идеями социализма, обладал, видимо, достаточной силой, чтобы вызвать трансформацию «евро-азиатского цивилизационного полюса», сопоставимую с «экономической» трансформацией западно-европейской цивилизации, и создать устойчивую *социалистическую цивилизацию*.

Сейчас наиболее вероятным для недалекого будущего представляется процесс ослабления монопольного доминирования Запада, возникновения многополярного мира [9] и обновления духовно-идеологической основы незападных полюсов – на базе синтеза традиционной духовности и элементов социалистической идеологии.

Либеральные апологеты капиталистической системы используют крушение социализма в СССР, наличие мощных сил коррупции, грозящих разрушением любому государству, – для дискредитации идей социализма, для доказательства, что борьба за построение социалистического общества – это тупиковое направление. Однако фундаментальные работы и сторонников, и противников социализма свидетельствуют, что попытки построить справедливое общество, где богатство не иг-

рало бы определяющей роли в отношениях между людьми, возобновляются в разных формах на протяжении всей истории [5–7]. Из этого наиболее логично сделать вывод, что стремление к социалистическому обществу внутренне присуще, имманентно человеческой истории, не в меньшей мере, чем либеральные идеалы и стремление к освобождению от гнета бюрократического государства.

3.3. Государство и коррупция

На протяжении всей истории наиболее сильными и властными организациями всегда являлись государства, которые были (или должны быть по изначальному смыслу) представителями народа, выразителями и защитниками его интересов. Сила и власть государства опирается на исторические традиции народа, национальную культуру и духовность, цивилизационные архетипы. И оно ответственно перед народом. В рассматриваемой нами оппозиции «энергия частного обогащения – духовно-идеологические надличностные смыслы бытия» государство является главным социально-политическим институтом, защищающим надличностные смыслы.

Процесс концентрации капитала и укрупнения финансово-экономических организаций привел к тому, что крупнейшие из них стали сопоставимы по своим возможностям и экономико-политическому влиянию с крупными государствами. При этом они имеют транснациональный характер. И хотя они платят налоги государству, в котором зарегистрированы, в остальном (если это частные компании) они по закону не несут никакой ответственности ни перед государством, ни перед народом.

Одна из главных линий противостояния в современном политико-экономическом пространстве – борьба за статус и роль государства: будет ли государство реальным представителем народа, выразителем интересов страны и ее экономики, или инструментом в руках крупных корпораций и мировой финансовой олигархии? Максимальное ослабление государства, лишение его власти – это стало чуть ли не главной целевой установкой современного либерализма. Утверждается образ государства и его органов только как систем обслуживания. Функции и права государства постепенно перенимаются частными компаниями. Большинство государств сейчас отказались даже от монополии на военное насилие, признав вполне законное существование частных военных организаций (ЧВО). Их услугами государство может пользоваться вполне легитимно (наряду с тайным использованием отрядов наемников большинством капиталистических государств).

Одним из главных факторов ослабления государств и их идеологической основы служат коррупция и теневая экономика. Непосредственным результатом коррупционного перерождения государственных структур становится их недееспособность. Главной целью чиновников оказывается не выполнение государственных функций, а личное обогащение путем использования бюджетных средств и государственного имущества, продвижения своих людей, создания системы дезинформации для защиты своего «бизнеса» и т.д.

Борьба с коррупцией и теневой экономикой только с помощью правоохранительной и судебной систем, ужесточение наказаний и т.п. не дает серьезных результатов, поскольку эти меры и механизмы используются коррупционерами в их клановой борьбе и борьбе со здоровыми силами самих правоохранительных систем. Участники строят все более сложные и влиятельные структуры организованной преступности, находя «крыши» во все более высоких уровнях государственной власти. Поляризация в обществе по уровню жизни и владению имуществом выходит далеко за рамки традиционных представлений о справедливой дифференциации. Народ перестает доверять официальной власти. И нередко больше надеется на решение своих проблем коррумпированными и преступными организациями. Организованная преступность становится альтернативной властью.

Главная опасность для государства состоит в том, что стремление к быстрому обогащению хозяйственной и политической элиты (что особенно важно, – и чиновников, определяющих государственную политику) создает почву для «пятой колонны», для воздействия государств – противников и конкурентов, для их спецслужб и агентов влияния. Это в полной мере использует богатый капиталистический Запад, поддерживая и провоцируя либерально-капиталистические силы в странах незападных цивилизаций.

Законодательные и силовые методы и механизмы защиты и очищения государственного организма от коррупции и организованной преступности безусловно необходимы. Но столь же необходимым условием является наличие духовного, смыслового противовеса для стремления к обогащению. В СССР, по оценкам всех специалистов, коррупции и экономических преступлений было на порядок меньше, чем в постсоветской России. Эти явления стали усиливаться и выходить на первый план среди проблем общественной жизни только в 1970–1980-е гг., по мере ослабления коммунистической и патриотической идеологии.

Все эти процессы мы знаем по фильмам и книгам об итальянской и американской мафии и по российским телевизионным репортажам и сериалам 1990-х и 2000-х гг. У нас гораздо меньше известна роль коррупции и организованной пре-

ступности в Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, где роль государства в реальной истории и в духовно-идеологической традиции очень велика.

3.4. Китай

Подробное описание и осмысление роли коррупции в современной КНР дано в книге Татьяны Грачевой [4, с. 326–373]. После смерти Мао Цзэдуна в руководстве Китаем победила группировка Дэн Сяопина с установкой использования капиталистических механизмов и стимулов для ускоренного развития и модернизации социалистической экономики. В отличие от Советского Союза, китайская элита не допустила ослабления государства и его руководящей роли. Результатом оказался беспрецедентный экономический рывок, позволивший Китаю встроиться в мировую экономику и стать «фабрикой мира».

Главная политическая сила в стране – Коммунистическая партия. В настоящее время она (и вся руководящая элита страны) по идеологическому принципу разделена на две группировки (неофициальные «фракции»):

1) сторонники продолжения либеральных рыночных реформ и даже их радикализации, укрепления связей с Западом. Это «рыночники-реформаторы», наследники курса Дэн Сяопина. К этой «фракции» относят нынешнего лидера Китая Си Цзиньпина;

2) сторонники возврата к ценностям эпохи Мао. Их идеология в большей степени ориентирована на национализм, коммунистический коллективизм, построение государственного капитализма. Это «неомаоисты», «консерваторы», последователи Цзян Цзэминя, который был Генеральным секретарем КПК и Председателем КНР в 1992–2002 гг. и остается одним из наиболее влиятельных политиков. Их называют «шанхайцами», поскольку Цзян Цзэминь долгое время был руководителем шанхайского горкома партии и этот город считается основной «базой» его группировки.

Преемника Цзян Цзэминя на постах Генсека КПК и Председателя КНР Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.) и нынешнего лидера Китая Си Цзиньпина (с 2012 г.) относят к фракции реформаторов. Однако среди «силовиков» – армии и правоохранительных органов наибольшим влиянием и авторитетом до последнего времени пользовались шанхайцы. Шанхайцами были руководители наиболее влиятельных комиссий при Компартии – Центральной военной комиссии, контролирующей вооруженные силы, и Политико-юридической комиссии, которая контролирует правоохранительную и судебную системы и спецслужбы.

В Компартии Китая идет нешуточная борьба между этими двумя группировками. Однако многие аналитики характеризуют идеологическую конфронтацию как один из аспектов борьбы между элитарными кланами. Характерно, что обе фракции заявляют о верности идеям Мао, о необходимости укреплять государство и единство партии, бороться с коррупцией.

Для россиян, воспитанных на советских литературе, искусстве, идеологии, образ коммуниста несовместим с большим семейным богатством. Видимо, «социализм с китайской спецификой» смотрит на такое совмещение совсем по-иному. Сейчас руководство коммунистической партии Китая и реальная власть в стране принадлежат, по разным оценкам, нескольким десяткам или нескольким сотням семей. Большинство членов партийных и государственных органов и комиссий самого высокого уровня – это «принцы». «Принцы» – это потомки бывших лидеров и наиболее влиятельных руководителей Компартии Китая и героев гражданской войны. Группировку реформаторов Дэн Сяопина тоже часто называют «принцами». Специалисты по Китаю приводят данные, согласно которым около половины «принцев» являются владельцами частных компаний или руководителями высшего звена в таких компаниях. 26 «красных аристократов» контролируют все основные государственные предприятия страны [4, с. 337–338].

По официальным данным, которые время от времени попадают в СМИ в периоды усиления борьбы с коррупцией, или по материалам громких судебных процессов, выявляется, что большая часть госчиновников, включая «принцев», имеют недвижимость и большие счета за рубежом, причем значительная часть средств заработаны нелегально. «Связи прокладывают путь к богатству». По данным Центральной комиссии ЦК Компартии по проверке дисциплины (которая отвечает за борьбу с коррупцией), в 2012 г. было незаконно выведено за рубеж 160 млрд долл., что на 67% больше, чем в 2011 г. В 2013 г. ожидалось увеличение еще на 50%. По оценке Вашингтонской исследовательской организации, за десятилетие 2000–2009 гг. суммарный незаконный отток денег из Китая составил 2,74 трлн. долл.

Большая часть молодых и принцев, и шанхайцев получили образование в наиболее престижных университетах США и Европы и, конечно, «прочувствовали» превосходство богатого и культурного Запада. У многих семьи живут за границей, их дети учатся там же. В китайской верхушке давно почти не осталось людей, которые получили образование в СССР. Заметим, что московский Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) всегда были главной базой диссидентства и идеологии горбачевской перестройки.

Означают ли все эти факты неизбежность для Китая «скатиться» в обозримом будущем к западной идеологии, как это произошло с СССР в конце 80-х годов? – Обсудим это ниже. А пока перескажем историю с делом Бо Силая, которая наглядно демонстрирует всю сложность взаимоотношений борьбы за власть, коррупции и идеологии в современном Китае. Бо Силай – «принц» по происхождению и шанхаец по убеждениям. Его отец Бо Ибо был одним из ближайших соратников Дэн Сяопина. Бо Силай окончил Пекинский университет и, став руководителем отсталого города Далань, превратил его в один из наиболее развитых городов страны. Затем он руководил Министерством торговли. Но основной рост его популярности и влияния начался с назначением его в 2007 г. руководителем одного из мегаполисов – Чунцзына. Это одни из крупнейших коммерческих, промышленных и научных центров Китая. Чунцзын считался традиционной вотчиной «принцев» и был в то же время одной из наиболее криминальных территорий Китая (там было велико влияние Триады).

Бо Силай начал решительную войну с коррупцией и преступностью под революционными лозунгами и идеалами времен «культурной революции» Мао Цзэдуна. Он выступал против поляризации китайского общества, доказывал, что рыночные реформы выгодны только богатым. Преступность в Чунцзыне резко снизилась, и Бо стал самым популярным политиком Китая. Его называли «красный Бо» и «новый хунвэйбин». «Консерваторы» понимали, что в результате рыночных реформ увеличивается экономический, идеологический, политический раскол в стране, страна все больше открывается для капиталистического влияния, социалистическая идеология единства общества угасает.

Фракция Цзян Цзэминя планировала на XVIII съезде КПК сделать Бо руководителем Политико-юридической комиссии (сменив менее популярного шанхайца Чжоу Юнкана). В этом случае, кроме поддержки командного состава армии, Бо получил бы под свое начало полуторамиллионную вооруженную полицию. Он мог бы свергнуть Си Цзинпиня и захватить власть. Однако сразу после окончания сессии Всекитайского собрания народных представителей, в которой Бо принимал участие, он был арестован Центральной комиссией КПК по проверке дисциплины. Оказалось, что через своих сыновей и жену Гу Кайлай он был вовлечен в коммерческую деятельность на западе. Старший сын окончил Колумбийский университет и Школу международных и общественных отношений в Нью-Йорке работает в банке Citigroup. Младший учится в Гарвардском университете. Жена Бо Силая раньше работала как юрист в Америке и долгое время вела финансовые операции с британским бизнес-консультантом Нилом Хейвудом (как выяснилось, агентом британской разведки Ми-6). Он помогал Гу переводить крупные суммы денег за

рубеж. В 2011 г. Нил Хейвуд внезапно умер. А в 2012 г. с помощью ближайшего сотрудника Бо Ван Лицзюня, начальника полиции Чунцына, было раскрыто, что Гу отравила Хейвуда цианидом по причине его «конфликта на почве экономических интересов» с ее сыном. Когда Ван рассказал об этом Бо Силаю, тот стал его преследовать, так что Ванну пришлось скрываться в генконсульстве США. В августе 2012 г. Гу Кайлай была признана виновной в предумышленном убийстве и приговорена к смертной казни с отсрочкой приговора на два года. Ван был приговорен к пятнадцатилетнему сроку. Он избежал смертной казни за сотрудничество со следствием. В октябре 2012 г. на Бо было возбуждено уголовное дело по фактам злоупотребления служебным положением. Параллельно началась зачистка всех должностных лиц, имевших связи с Бо Силаем. А затем последовали отставки и аресты членов группировки шанхайцев и сотрудников Цзян Цзэминя.

4. ЭНЕРГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ВЫСШИХ СМЫСЛОВ БЫТИЯ

4.1. Крепость христианской духовности начинает казаться тюрьмой

Историки спорят, какой период надо считать концом средних веков и началом нового времени и о признаках этой перемены. Видимо, главным признаком является изменение отношения человека к религиозному мироощущению. Важнейшим процессом мировой истории стал процесс радикального обновления этого отношения. Более конкретно, процесс последовательного освобождения от приоритета божественного над человеческим, духовного над материально-прагматическим и телесным. Этот процесс, начавшийся в Западной Европе в эпоху Ренессанса и Реформации, достиг кульминации в XIX–XX вв. В XVII–XIX вв. внимание носителей этого процесса концентрировалось на свободе экономической и на освобождении от власти и авторитета Церкви и империй во имя самостоятельности и независимости финансово-хозяйственных и политико-идеологических организаций.

Фактически возникла новая цивилизация – сначала то, что обозначается как экономическая цивилизация [3], затем – как культура европейского Модерна. И ее ключевым символом стала Свобода – освобождение человека от всех ограничивающих его волю *высших* ценностей, Смыслов и этических норм, свобода без внутренних обязательств. Обязанности накладывают только внешние надличностные институты (как правило, несправедливые). В начале XIX в. этот процесс захватил художественную литературу и выразился в героизации Люцифера, который восстал против Бога, в байронизме.

Когда человек приходит в этот мир, он застаёт его уже готовым, сложившимся. Даже, точнее, он не приходит в мир, а находит себя в нем вместе со всеми материальными и психологическими ограничениями, со всеми своими желаниями, привязанностями, инстинктами. Он ощущает, что приятно и что страшно, кто хороший и кто плохой. Он знает, что такое хорошо, и что такое плохо. Все это ему задано. Раньше он получал все это вместе с понятием о Боге и о своем месте в здешнем земном мире. Он был изначально воцерковлен и социализирован. Почувствовать себя свободным от всей этой заданности, способным поставить все это под сомнение, способным самостоятельно выбрать свой взгляд на мир, – на это способны были только очень немногие, незаурядные личности.

Теперь, в нашем по преимуществу атеистическом и свободомыслящем мире почти каждый в тот или иной момент своей юности обнаруживает себя способным и даже вынужденным выбирать свое место в мире повседневности и в мире духовном. Но сам выбор – это будет позже. А сначала ему важно освободиться от всех связей, которые претендуют на него и опутывают его без его согласия. Ветер свободы опьяняет его. Все ценности и нормы, вера отцов и даже любовь родителей, – все это только рядоположенные сокровища. Он их будет выбирать, но не они его. Пока ему слаще всего его воля. Та самая свобода без ответственности, которую православные мыслители не хотят называть свободой, а только трактуют как своеволие или произвол. Он и любовь к женщине принимает только вместе с уверенностью, что если понадобится, стоит ему двинуть плечом, и эти сладкие пути упадут с него и растают, как наваждение. Нет никого и ничего выше «критически мыслящей личности». Они бравировали своим рационализмом, материализмом и цинизмом.

XIX в. и в Европе, и в России был периодом, когда материальные и духовные привычные условия жизни менялись с беспрецедентной (по историческим меркам) быстротой и радикальностью. В этот период главной причиной и движущей силой этих изменений (Маркс прав!) была сформировавшаяся и развивающаяся капиталистическая система. В двустороннем процессе развития производственно-технологических и институциональных установок (одна сторона) и духовно-идеологических (другая сторона) – источник движения, инициатива была на стороне первой.

В образованном обществе снижение роли и оценки религиозных Смыслов заменялось верой в бесконечный научно-технический и социально-экономический Прогресс. Условием этого бесконечного восхождения были традиционные (по существу христианские) этические нормы и смыслы бытия, поддерживаемые и обогащаемые постоянным прогрессом культуры. На место высшей ценности Бога была поставлена ценность Человечества со всеми накопленными им Смыслами и перспективами. Но эта ценность очень скоро оказалась вовсе не такой неколебимой и несомненной. Все это было для культурной и духовной элиты, выражаясь понятиями А. Тойнби, цивилизационным вызовом (challenge), на который должен быть дан ответ (response). Тогда стал рушиться и терять свое значение *конечной ценности* сам символ *Жизнь*. Это, возможно, главное событие того периода. Следом стала рушиться и система этических норм. Конец XIX века ознаменовался открытым отказом от этих норм и смыслов – пока только поэтов и философов (они всегда первые). Знаковые фигуры – Оскар Уайльд, Фридрих Ницше. Освобождение искусства от любых норм морали провозглашают декаденты.

Стремительно меняется внешняя *среда обитания*. Интеллектуальное сообщество и творческая элита должны дать ответ на вызов, брошенный мощным, «взрывным» *развитием производительных сил*. В Европе футуристы находят «адекватный ответ»: начинается эстетическое освоение новой, индустриальной среды обитания. Небывалые материальные условия жизни, новые машины, которые старая духовность считала только средствами для развития науки и культуры, для расширения возможностей нравственного совершенствования человечества, – они поэтизируются как высшие ценности и смыслы жизни. Интеллигенция восторженно встречает футуристов. Маринетти провозглашает «религию скорости»: «Разрушив старое добро и старое зло, мы создадим новое добро – скорость, и новое зло – промедление. Скорость – синтез дерзновенных действий, наступательных и воинственных. Промедление – косный и робкий анализ, умиротворяющий и пассивный... Если молитва – это общение с божеством, мчаться на бешеной скорости означает молиться. Колеса и рельсы – наши святыни... Упоение скоростью мчащегося автомобиля – это радость от слияния с единственным божеством. Да будут разрушены дома и города, чтобы дать простор аэродромам и автострадам».

«Мы будем воспевать рабочий шум, радостный гул и бунтарский рев толпы; пеструю разноголосицу революционного вихря в наших столицах; ночное гудение в портах и на верфях под слепящим светом электрических лун. Пусть прожорливые пасти вокзалов заглатывают чадающих змей. Пусть заводы привязаны к облакам за ниточки вырывающегося из их труб дыма. Пусть мосты гимнастических бросков перекинутся через ослепительно сверкающую под солнцем гладь рек. Пусть пройдохи – пароходы обнюхивают горизонт. Пусть широкогрудые паровозы, эти стальные кони в сбруе из труб, пляшут и пыхтят от нетерпения на рельсах. Пусть аэропланы скользят по небу, а рев винтов сливается с плеском знамен и рукоплесканиями восторженной толпы». Этот отрывок можно принять за текст из советских поэтов 1930-х гг., вдохновленных стройками первых пятилеток (Время, вперед!). Но это западный поэт Ф.Т. Маринетти, 1909 г.⁸

Россия, по сравнению с Западной Европой, запаздывает с развитием капитализма, всей институциональной системы. Перестройка классовой структуры общества идет тяжелее и трагичнее. Мощное воздействие новой западно-европейской цивилизации породило духовный раскол элиты на западников и славянофилов. Сначала тех, кто почувствовал эту изначально присущую человеку свободу и сумел пройти нелегкий путь освобождения, было немного. Это были, как правило, отдельные представители элиты, которые привезли осознание этой Свободы с Запада,

---

⁸ Цитаты из Маринетти взяты по [18].

или воспитанные на западной культуре. Они не могут встроиться в чуждую им российскую среду. Это «диссиденты», выпавшие из российской цивилизации, но принужденные жить в этой чуждой для них среде. Они становились «лишними людьми», которые не принимают окружающий их мир за дар Бога. Они «почтительно возвращают ему билет», как Иван Карамазов – последний из ряда лишних людей в русской литературе.

На Западе «лишние люди» не приобрели такого значения в литературе и общественном сознании, как в России, поскольку, выпадая из системы сословных, классовых, бюрократических отношений или «сбрасывая с себя» эти связи, человек мог, как правило, включиться в полезную, востребованную обществом деятельность в другом социальном слое, возможно, в другом статусе. Капитализм расширил спрос на труд, всюду нужны были работники. В западно-европейской цивилизации доминирующей установкой, императивом, Смыслом бытия является деятельность. Высший авторитет в этой сфере Освальд Шпенглер выражает это так: «Жизнь важна постольку, поскольку она есть *деятельность*». [29, с. 541]. В России, выпадая из системы социальных связей, человек попадал в пустоту. И главная задача состояла не в том, чтобы освободиться, а в том, чтобы вырвавшись, найти новый смысл жизни и деятельности, свое новое место и роль в обществе. Именно это имеет в виду Лермонтов, когда «Под ним струя светлей лазури,... а он мятежный просит бури, как будто в бурях есть покой». За это он готов платить душевными страданиями и самой жизнью (предвосхищая страдания героев Чехова, см. ниже):

«Я жить хочу, хочу печали,
Любви и счастию назло...
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?»

«Лишних людей» становится все больше во всех слоях общества. Герои Чехова, Толстого, раннего Горького ищут спасения во «внесистемных» социальных группах и культурах. Расцветает романтика цыганского и дворянского романа. Героями Горького становятся люди деклассированные, свободные от общества, обитатели дна – Челкаш, Сатин.

4.2. Духовный перелом на рубеже XIX–XX вв.

Конец XIX – начало XX в. можно назвать периодом радикального освобождения человека от высших духовных Смыслов и, соответственно, от мешающих ему «вечных» принципов нравственности. К концу XIX в. выявился нетерпимый разрыв. С одной стороны, сформировавшееся в культурной элите представление о

безграничных возможностях человека, о его сияющих перспективах, – представление, которое подкреплялось беспрецедентными успехами в научно-техническом и экономическом развитии. С другой стороны, почти не меняющиеся, сформировавшиеся еще в предкапиталистическую эпоху межсословные и бытовые отношения, стереотипы обыденных оценок поведения и собственных личных стремлений человека. Опоры, стропила, стены здания, которые были заложены христианской духовностью, стали казаться стенами ненавистной тюрьмы, которые подавляют энергию жизни, не допускают лучей солнца в темные казематы. Если оставаться в проблемном поле исторического материализма, следует сказать, что надстройка стала сковывать развитие производительных сил.

Мы плохо представляем себе тот поворот, ту революцию в Духе, который произошел в Европе (в городских слоях населения) на переломе XIX и XX вв. Приоритет духовного над телесным, над материальным сменился на приоритет телесного, техники, прагматизма. Культ спорта вместо обязательного стояния на церковной службе, сексуальная свобода, которая удивляет даже современного человека, танго вместо полонеза и менуэта, ... Перемену в мире Духа, как всегда, первыми улавливают художественные натуры. Острее других мрак и тяжесть общественной атмосферы ощущает Александр Блок: «Пусть давит жизни сон тяжелый, пусть задыхаюсь в этом сне...» А футуристы Европы уже с начала века провозглашают: «Мы стоим на обрыве столетий! Так чего же оглядываться назад? Мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир невозможного!» (Маринетти Ф.Т. «Футуристический манифест», 1909 г.).

В России эту перемену, или точнее, духовный перелом наиболее наглядно можно увидеть, сопоставляя мироощущение героев Чехова и Горького (авторы почти ровесники!). Герои Чехова, как правило, прекрасные интеллигенты, дают «неадекватный» ответ. Они остро чувствуют и тяжело переживают разрушение привычных форм жизни, страдают от разрушения того, что составляло главные ее ценности: будет вырублен «вишневый сад», весь роскошный сад золотого века русской культуры. Они не видят никаких сил и возможностей, чтобы противостоять этому разрушению. Более слабые мечтают только убежать. Вот Иван Иванович Нюхин (малоизвестная пьеса «О вреде табака»): «Все равно, куда..., лишь бы бежать от этой дрянной, пошлой, дешевенькой жизни». Прекрасные «три сестры» тоже мечтают убежать, – правда, только в Москву. А некоторые, как Иванов, даже уходят из жизни взаправду и всерьез.

Мощный взлет культуры Серебряного века можно рассматривать как восстание, бунт против теряющих энергию жизни, застывших старых форм. Но среди бунтарей много слабых духом, которые остро чувствуют, страдают от «тяжести и

мрака жизни», но рвутся только убежать, по сути, не видя выхода, по принципу «нехай гирише, лишь бы иньше». К таким относится талантливый литератор Треплев в «Чайке», Он обвиняет рутину «святого искусства»: «Когда из пошлых картин и фраз стараются выудить мораль – мораль маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе; когда в тысячах вариаций мне подносят все одно и то же, одно и то же, – то я бегу, бегу...» Но ему тоже не хватает силы и веры, чтобы жить.

И главная причина их страданий – духовный упадок, смысловой «провал» в обществе. Нормальная духовно-нравственная ситуация характеризуется тем, что каждый член общества, соблюдая правила, сложившиеся в нем, и участвуя в его жизни, приобщаются, причащаются и к его Смыслам и ценностям. Человеку надо чувствовать, верить, что он встроен, есть часть чего-то гораздо более устойчивого, надежного, ценного, чем его такая слабая, часто некрасивая и неценная индивидуальность. Герои Чехова, как правило, культурные и нравственные люди, этого от общества не получают. Лучшие из них (и может быть, более сильные, более жизнелюбивые и «жизнеспособные») соглашаются терпеть, «тянуть ляжку», как Астров («Дядя Ваня»), как Ольга (одна из «Трех сестер»). И они уверены, что в будущем (Астров говорит «через сто, двести лет») все непременно переменится к лучшему. Соня («Дядя Ваня»): «Там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалится над нами, и мы увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой». Ольга: «Страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле». Но они в этом никак не участвуют.

Главной причиной страданий остается бессмысленность бытия. Ольга: «Еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!» Герои Чехова иногда провозглашают: «Прощай, старая жизнь! Здравствуй, новая жизнь!» Но его главные образы – это образы пессимистического мира уходящей духовности.

М. Горький рядом с такими героями выводит на сцену людей из других словесий – Нил («Мещане»), Павел Власов («Мать»). Им не понятны тоска и жалобы интеллигентов. Ведь жизнь никогда не была благостной и комфортной, кроме как в их мечтах и грезах. На что они жалуются? В «Мещанах» собраны люди старой эпохи и новой эпохи – специально, чтобы продемонстрировать духовный разлом общества. Пока еще отстоять свое право жить по-новому – трудная задача. На это хватает сил далеко не у всех. Видимо, играет роль и психологический тип личности. Надо любить жизнь и быть оптимистом. Но еще важнее духовно-психологическая установка. У «новых людей» (Нил, Шишкин) есть *вера*. Вера, что

господство «старой жизни», «старого уклада» кончилось, что твое будущее и даже уклад всей жизни общества зависят от тебя, от твоей смелости и труда.

Еще большинство героев в пьесе – типичные чеховские образы. Вот Татьяна. Она уже не может жить по-старому, но у нее не хватает ни сил, ни веры, чтобы отстаивать свое право жить по-новому: «Внутри у меня, в сердце моем, – пустота... Мне негде, нечем, незачем жить...» Ее слова разъясняет Тетерев, типично горьковский персонаж – философ из низов, как Сатин: «Жизнь скверно сшита... Не по росту порядочных людей ... Вот я есмь вещественное доказательство того, что человеку негде, нечем, незачем жить...» Он говорит все, что думает, но ему нечего терять. Остальные приспособляются. Как правило, живут они не по старым правилам. Но об этом не говорят вслух: «Приличия требуют, чтобы люди лгали». И вот появились люди, которые не согласны подчиняться этому порядку и готовы сбросить сковывающие их «приличия» и привычные стереотипы поведения и мышления. Время стало иным. Раньше такие люди из низших классов просто не выживали, как наши народные поэты – Алексей Кольцов (умер в 33 года), Иван Никитин (умер в 37 лет). Даже представитель высшего круга московского дворянства Чацкий вынужден бежать из Москвы «в глушь, в Саратов».

4.3. Запад и Россия дают разные ответы на вызов истории

В вызове цивилизациям России и Западной Европы много общего. Но ответ на него они дают разный. Ответ Запада – практика колониализма, идеология империализма, ответ России – социалистическая революция.

Наверно, наиболее важным для истории оказалось освобождение от тех смыслов и этических норм, которые при ослаблении христианской религиозности переходили в культуру, образование, официальную политику. Новая духовность, духовность Успеха и Освобождения до времени созревала под защитой этих смыслов и норм, как личинка созревает в затвердевшей оболочке кокона, пока эта оболочка не была отброшена. Главным знаком этого метаморфоза (используя термин зоологов) стала ницшеанская мораль: «Лучшее сделать злое, чем подумать мелкое» и его открытый переход в стан «Антихриста». Если Ницше видел задачу в том, чтобы освободить мир от смыслов и морали христианских, то явившиеся позже нацистские идеологи конкретизировали задачу и стали строить духовность языческую.

Уже в период буржуазных революций идеология Освобождения захватила художественную литературу Европы. В XVII–XVIII вв. это выразилось в героизации Люцифера, который восстал против Бога («Потерянный рай» Джона Мильтона

оказал огромное влияние на европейскую литературу), в байронизме. А вот малоизвестный в России образчик освобождения не только от религиозных мифов, но и от основ старомодной нравственности, мешающей свободной поступи буржуазного обогащения. Философ и психиатр Бернард Мандевиль (1670–1733 гг.) еще в 1705 г. опубликовал Басню о пчелах, которая произвела большой эффект в английском обществе и несколько раз переиздавалась. Здесь эзоповским языком дается вполне рациональное описание движущих сил рыночной английской экономики.⁹ Басня заканчивается моралью: «Обман, роскошь и тщеславие должны существовать, ибо мы получаем от них выгоды... Одна добродетель не может сделать народы процветающими. Кто хотел бы возродить золотой век, должны быть готовы не только стать честными, но и питаться желудями... Если какой-либо народ хочет быть великим, порок так же необходим ему, как и голод...» [26, с. 63]. В другом своем сочинении «Исследование о природе общества» Мандевиль пишет: «...то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения...» [26, с. 329].

Идеология, определяющая новую эпоху, – это всегда противопоставление одной части старых смыслов, ценностей, принципов другой их части. Христос пришел в мир не для того, чтобы нарушить Закон, но чтобы его выполнить. В триаде Великой Французской революции «Свобода, Равенство, Братство» принцип Свободы, освобождения от «ветхих» институтов церкви и феодального государства провозглашается во имя реализации по существу христианских принципов Равенства и Братства. К концу XIX в. стало ясно, что эти целевые Смыслы не реализуются. Мало того. Господствующая социально-экономическая система, капитализм и формирующаяся идеология колониального империализма фактически отказались от них. Единственной достаточно разработанной альтернативной политэкономической идеологией была идеология социализма. Ее главной целевой установкой является именно реальное осуществление, доведение до конца христианских принципов Равенства и Братства. Борьба с церковью, воинствующее безбожие – это не цель, а только средство. Главная надежда на обновление, которого жаждало «цивилизованное общество», связывалось с социалистической альтернативой.

Однако победа этой идеологии привела бы к потере Западом своего господствующего положения в мире. Поэтому в западной культуре и науке стали формироваться идеологии, которые включали бы как духовное обновление, так и способ-

---

⁹ В этом он оказывается непосредственным предшественником А. Смита [25, с. 32–40].

ность обосновать (по крайней мере, не подрывать) господствующее положение мировой (читай – западной) властвующей элиты.

В своем Футуристическом манифесте Маринетти формулирует новые ценности – риск, дерзость, неукротимая энергия, смелость, отвага, бунт. «Мы говорим: наш прекрасный мир стал еще прекраснее – теперь в нем есть скорость. Под багажником гоночного автомобиля змеятся выхлопные трубы и изрыгают огонь. Его рев похож на пулеметную очередь, и по красоте с ним не сравнится Ника Самофракийская».

Для России тоже наступает эра Скорости, эра Борьбы:

«И вечный бой.

Покой нам только снится...» (А. Блок).

Но разница с западной ментальностью налицо. Для Блока «вечный бой» – это нечто внешнее, навязанное Роком. А снится нам все же «покой». А вот на Западе футуристы вполне откровенно и конкретно расшифровывают символы Борьбы и Разрушения как смысл жизни:

«Да здравствует война – только она может очистить мир. Да здравствует вооружение, любовь к родине, разрушительная сила анархизма, высокие Идеалы уничтожения всего и вся.

Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки. Долой мораль, трусливых соглашателей и подлых обывателей!» (Футуристический манифест).

В российской духовности война – это зло, навязанное внешними сипами тяжелое испытание. Представление, что борьба – это нормальное и желательное состояние жизни человека, а война – это высшее и прекрасное проявление жизни и борьбы, – такая идея, такой символ и жизненный Смысл Возник только на Западе, это порождение новой западной цивилизации. Отрезвление европейской интеллигенции пришло только после двух мировых войн (да и навсегда ли?).

Кажется, из русских поэтов никто не воспевал войну как самостоятельную ценность и никто не призывал уничтожить музеи и библиотеки. Маяковский писал: «Никогда ничего не хочу читать. Книги? – Что книги...» Но это только приоритет актуальной реальности по сравнению с потерявшей свою силу накопленной духовностью. Это совсем не агрессивный призыв к ее уничтожению.

Выявление и короткая формулировка основных факторов, признаков, смыслов, которые определяют различие ответов Запада и России, являются результатом усилий многих исследователей теории цивилизаций и культурологи. По моим представлениям, такие усилия сейчас необходимы для того, чтобы предотвратить главную угрозу для человечества – угрозу отказа от фундаментальных общепринятых этических норм и смыслов бытия. Эти нормы и смыслы, эти «вечные ис-

тины», конечно, на практике нарушались на протяжении всей истории. Но человечеству на его тяжелом пути все же удалось отобрать, накопить, сделать общепризнанными наиболее важные из них, убедив большинство человечества в неприемлемости, гибельности отбрасывания этого опыта. Замечательный философ Александр Зиновьев, в качестве важнейшего вывода из своего всестороннего анализа западного общества, писал: «Многовековой прогресс Западной цивилизации породил в конце концов физически мощного и интеллектуально примитивного мирового насильника».

4.4. Феномен фашизма

В новое время наиболее серьезной угрозой такого рода явилась бесчеловечная идеология фашизма, возникшая в Европе в начале XX в., казалось бы, побежденная в результате тяжелейшей войны, но возобновляющаяся в разных формах в разных странах. После Второй мировой войны и Нюрнбергского процесса чаще всего это понятие ассоциируется с гитлеризмом. Хотя до установления союза Муссолини с Гитлером облик фашизма в Италии, где возникло это понятие, сильно отличался от германского нацизма как по его духовной основе, по целям и смыслам, так и по методам их реализации. После окончания войны значительная часть верхушки Третьего рейха сумела избежать наказания и нашла убежища (как правило, тайные для общественности, но не для спецслужб) в США, Латинской Америке, Канаде, в ряде стран Ближнего Востока. Многочисленные исследования свидетельствуют, что идеология нацизма не умерла. Она частично видоизменилась и вошла в идеологию ряда других движений (разве можно потерять столь «ценный опыт», как опыт строителей Третьего рейха!).

Главное значение понятия *фашизм* состоит в том, что это понятный большинству современников символ той гуманитарной катастрофы, от которой надо уберечь человечество. Это некий маркер, как бакен на реке, указывающий подводные скалы, к которым нельзя приближаться, или та *красная черта*, за которую нельзя заходить политикам.

Фашизм, его реальная история, созданная им идеология и ее новейшие модификации несомненно заслуживают серьезного изучения. Это идейное течение и его политические реализации продемонстрировали возможность антисистемной идеологии использовать все последние достижения науки, техники, культуры, а также создать достаточно разработанную идеологическую конструкцию и базирующуюся на ней социально-политическую систему. Как мы видим, несмотря на разгром в тяжелейшей войне, раскрытие для всего мира страшных преступлений, свя-

занных с этим историческим опытом, идеология и духовная установка фашизма находят все новых последователей, адаптирующих их к условиям иных исторических традиций и даже иных цивилизаций. Последователи используют элементы этого исторического опыта, так сказать, «наработки» политико-идеологических методов того периода. Причем, учитывая сложившийся отрицательный имидж самого символа, они чаще всего отрещиваются от близости с ним. Еще важнее, что вполне респектабельные режимы готовы открыто или тайно поддерживать идейных последователей фашизма как оружие для формирования оппозиции внутри государств-противников, для создания в них политической напряженности, провоцирования цветных революций и гражданских войн.

Вряд ли есть необходимость строго идентифицировать те или иные новые варианты антисистемных идеологий с фашизмом. Важнее дать широкое определение этого идеологического направления и исследовать факторы и условия их возникновения и генезиса. Убежденные адепты такой (фашистской) идеологии обычно представляют собой сообщество, аналогичное религиозной секте, «верования» которых можно охарактеризовать следующими признаками:

1) выделение части общества (или человеческого рода) по тому или иному признаку как существ, в отношении которых не применяются общечеловеческие этические нормы (более подробно см. в разделе 6);

2) отказ от общепринятых этических норм в общении с другими сообществами или организациями, если это необходимо для достижения и удержания власти «сектой». Во имя этой цели безусловно применимы любая ложь, барьеры, препятствующие распространению информации, любое насилие (включая бесчеловечные пытки).

В 2014 г. проявлением идеологии такого типа на Украине стали героизация и официальная поддержка бандеровского движения и ее реализация на практике в действиях фашистских отрядов. Чтобы проиллюстрировать феномен отказа от общепризнанных норм, приведу только несколько фактов из рубрики «Сообщили очевидцы» (Советская Россия. 2014. 2 окт. С. 3): «После того как в Минске было подписано перемирие, матерям солдат, оборонявшим свою землю от карателей правительства, хунта прислала небольшие деревянные коробки, в которых были... отрезанные головы их сыновей. Все опознанные являлись бойцами ополчения ДНР, которые были взяты в плен силовиками во время ожесточенных боев под Донецком». «... Когда вошли, обомлели все: на полу изуродованные тела двух мужчин лет 36 и старика. Чуть поодаль – тела двух молодых женщин. Абсолютно голые, со вспоротыми животами, со следами тяжелых побоев. И между всем этим ползает маленький комочек и что-то бормочет. Вынесли ребенка, оказалась девоч-

ка лет двух-трех. На голове рубленая рана, снесена одна сторона кожи с ухом. Каким чудом уцелела, непонятно».

Сейчас термин «фашизм» перестает выполнять главное свое назначение. Джона Голдберг, автор многостороннего исследования феномена фашизма [18], констатирует, что политики самых разных направлений применяют его фактически к любым общественным явлениям, которые они хотят дискредитировать. При этом сам Дж. Голдберг также дает фашизму определение, не отделяющее его от других движений и институтов, которые не нравятся либеральным политикам, но без которых невозможна нормальная жизнь человеческого рода. Вот его формулировки: «Фашизм по большому счету не просто пришел в Америку, он здесь уже почти целый век. То подновленное здание американского прогрессизма, которое мы называем либерализмом, фактически стоит на фундаменте фашизма и является одним из его проявлений. При этом он вовсе не то же самое, что нацизм» [18, с. 9].

Судя по всему пафосу книги, по своей главной политической ориентации, автор – либерал. А главную опасность видит в левых движениях и усилении государства. Его книга называется «Либеральный фашизм» с подзаголовком «История левых сил от Муссолини до Обамы». Важная заслуга автора в том, что он призывает распознавать опасность, так сказать, на самых отдаленных подступах. Но дело в том, что он, как и те политики, которых он критикует, видит в фашизме не тот его страшный

античеловечный лик, который увидели евреи, русские и другие «расово неполноценные» народы, столкнувшиеся с ним во время войны. Он видит в нем тенденции, которые могут исказить дорогой ему образ американского либерализма, сократить либеральные свободы. Чтобы внести полную ясность, от какой же опасности предостерегает Дж. Голдберг американский народ, он дает свое определение фашизма: «Фашизм – это религия государства» [18, с. 31]. Так, наверно, можно определить режим Муссолини до 1937 г., пока он не попал под контроль Гитлера и германского нацизма. Такой фашизм, видимо, не несет на себе того смысла античеловеческой идеологии, который имеет теперь.

Само собой разумеется, что он ставит на одну доску фашистов и коммунистов. Он фактически не видит между ними разницы и считает, что политика Советского Союза дала возможность Гитлеру победить в Германии.

Понять причины возникновения и развития идеологии, сыгравшей (и продолжающей играть!) серьезную роль в истории, – это значит выявить ее глубинный смысл, принцип, который движет ее сторонниками, главную цель, к которой они стремятся. Те, кто выявляет и подчеркивает общие черты в стилях архитектуры и приемах киноискусства между Германией и Советской Россией тридцатых годов,

даже аналогии в устройстве государственного руководства обществом, характеризуемом идеологической партийной диктатурой, концентрирует внимание на временных признаках, на средствах, а не на конечных ценностях и целях движения.

Конечно, идеология и социально-политическая система, созданные в нацистской Германии, ни в коем случае не идут в сравнение с идеологией и системой социализма, по их влиянию на ход духовно-идеологической и социально-политической истории. Но понять глубинные смыслы и принципы фашизма, понять, почему эта идеология и система захватила Европу с ее великой лидирующей культурой и вовлекла ее в военную катастрофу, не имевшую прецедентов по разрушительности, можно только, вставив феномен фашизма в тенденцию, проходящую через тысячелетия. Так же, как понять и правильно оценить значение социализма нельзя, основываясь только на опыте 70-летнего существования Советского Союза, изобиловавшего великими достижениями и трагическими ошибками. По термину, использованному Ф.Н. Клоцвогом, это был *ранний социализм*.

Важно также обратить внимание на радикальное отличие того смысла и содержания, которое вкладывали руководители гитлеровской «национал-социалистической» партии в это название, и тех смыслов, которые вкладываются в это словосочетание в настоящее время. Современные смыслы исходных понятий *национализм* и *социализм* имеют, как правило, не деструктивное, а созидательное идеологическое и политическое направление. Символ «социализм» в названии гитлеровской партии был по существу данью подъему социалистического сознания в Европе того времени (марксизм был единственной хорошо разработанной альтернативой монополистическому капитализму). В нацизме в качестве социума, целевого субъекта национализма выступала вовсе не вся нация, а только ее «расово полноценная» часть. Главным атрибутом идеологии было не признание ценности любой нации как части общечеловеческого духовного богатства, а утверждение превосходства германской нации и отрицание, принижение ценности других наций.

Сейчас разъяснить различие этих смыслов необходимо, поскольку соединение понятий *национализм* и *социализм* – актуально для формирования и обновления идеологий цивилизационных полюсов многополярного мира.

В связи с духовно-идеологической сущностью фашизма возникает много вопросов, на которые нет однозначных ответов. Надо ли это явление рассматривать только как связанное с уникальной ситуацией, возникшей в Германии и Италии в ответ на создание и усиление мировой финансово-экономической системы с господствующим положением еврейских банковских групп и доминированием Англии и США в индустриальном развитии? Или этот феномен имеет более общее,

общечеловеческое значение? В любом случае надо выделить в идеологии фашизма и его модификациях не локальные или временные, а по возможности более общие аспекты.

Однако главный вопрос (и вызов духовно-интеллектуальному сообществу) звучит так: неужели века и тысячелетия развития человеческой цивилизации (в том числе христианской) потерпели неудачу? Может быть, понимание Смыслов истории нуждается в корректировках?

5. ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ ГЕНЕЗИСА ДЕСТРУКТИВНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

5.1. *Подход с позиции психоанализа*

Человек как биологический вид отличается от всех близких к нему видов высших животных тем, что это единственный вид, для которого свойственно истребление себе подобных. Количество жертв в войнах, революциях, явлениях геноцида в человеческой истории росло с прогрессом технических и организационных возможностей массового убийства. С развитием науки появились попытки научного объяснения этих явлений. Многие формы агрессивного поведения человека несомненно напоминают агрессивность животных, исходной причиной которых являются инстинкты. Хотя поведение животных может быть достаточно сложным. Это далеко не «автоматический» ответ на внешние воздействия и условия. Как полагали сторонники бихевиоризма, создавая определенные внешние условия можно добиться от животного любой модели поведения. В реальности у высших животных агрессивное действие мотивируется также скрытыми от наблюдения внутренними программами и структурами. Исходной причиной служит система инстинктов, обеспечивающих сохранение жизни и продолжение рода. Для выполнения этой позитивной задачи животному временами приходится убивать себе подобных и рисковать собственной жизнью.

Подход с позиций психоанализа. Однако для объяснения исторических катаклизмов такие рассуждения и аналогии поведения животных с социально-политическим поведением человеческих сообществ казались все менее убедительными. Зигмунд Фрейд, оказавший большое влияние на западную культуру, предложил парадоксальную теорию, согласно которой система инстинктов у человека определяется не только позитивным инстинктивным влечением к жизни (Эросом), но и инстинктивным влечением к смерти (Танатосом). Как мог сформироваться такой вредный для жизни инстинкт? При этом обе тенденции равнозначны и биологически заданы (то есть независимы от духовно-идеологической установки человека). Как говорилось выше, такая равнозначность и биологическая заданность влечений к жизни и смерти ведет к равнозначности идей Добра и Зла, к разрушению общечеловеческой *этики*.

Это значение фрейдовской теории сразу понял и оценил другой знаменитый представитель психоанализа и гуманист – Эрих Фромм. В своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» («The anatomy of human destructiveness»), в

русском переводе она получила название «Некрофилия» [11]) он дает иную теорию происхождения позитивных и негативных (деструктивных) тенденций в психике отдельного человека и человеческих сообществ, в определенном смысле аналогичную фрейдовской теории.¹⁰

Значение работы Эриха Фромма состоит прежде всего в том, что он уходит от попыток объяснения «природы человека» только с помощью «органических влечений» (то есть чисто биологических факторов) и делает шаг к пониманию роли факторов духовно-идеологических. Животное обладает своей экологической нишей. Оно адаптируется к среде и живет в гармонии с ней, или погибает. Человек все время выходит за пределы, очерченные для него природой. И для большинства ситуаций, в которых он оказывается, он не имеет унаследованной инстинктивной программы поведения. Он ищет решение, создавая религиозные и идеологические системы.

Работы Фромма – важный шаг к пониманию не только общих характеристик человека как единого вида, но и различий доминирующих психологических типов и духовно-идеологических установок в разных человеческих сообществах. Э. Фромм предлагает теорию человеческих *характеров*. Ее можно рассматривать как развитие теории психологических типов Карла Юнга [12]. При формировании характеров действуют в первую очередь социально-психологические механизмы.

Для выявления типичных характеров, объясняющих деструктивное поведение, Фромм с помощью методов психоанализа и исследований исторических тенденций определяет два типичных характера, которые он называет *некрофильским* (некрофилия – любовь к мертвым) и *биофильским* (любовь к живым, к жизни). Понятие некрофилии – название психической патологии, связанной с влечением мужчины к мертвому женскому телу или с общим стремлением быть рядом с трупами, расчленять их. Э. Фромм употребляет его в широком смысле как укоренную в характере страсть к разрушению и убийству, к использованию идеи образа смерти в позитивном смысле (или как обычного инструмента достижения цели). Понятие биофилии до Фромма не употреблялось.

Определения и развернутые описания этих двух характеров, которые дает Фромм, мне представляются далеко не бесспорными. Они слишком тесно привязаны к политическим и идеологическим противостояниям и конфликтам, которые были наиболее острыми и актуальными в середине прошлого века. Но основная идея несомненно является очень плодотворной. Вот одно из таких описаний: Биофилия – это страстная любовь к жизни и ко всему живому. Это стремление под-

---

¹⁰ См. также в [11] Послесловие А.М. Руткевича.

держивать рост и развитие независимо от того, идет ли речь о развитии личности, растения, идеи или социальной группы. Биофил как тип личности предпочитает конструктивную деятельность... Он видит целое прежде частей, структуры предпочитает совокупности. Он стремится воздействовать любовью, разумом и примером, но не силой, не разъединением, не администрированием и не манипулированием людьми как вещами... Он находит радость в жизни, во всех ее проявлениях... Этика биофилии основана на выработанных ею представлениях о добре и зле. Добро – все, что служит жизни, зло – все, что служит смерти. Добро – благоговение перед жизнью, утверждение жизни, роста, расцвета. Зло – все, что сковывает жизнь, сужает ее возможности, разделяет на части» [11, с. 43].

Э. Фромм специально подчеркивает оценочно-смысловое отличие своей концепции от теории Фрейда, где инстинкты Жизни и Смерти являются *биологически* заданными, *нормальными* тенденциями, не подлежащими морально-смысловой оценке. У Фромма биофилия понимается как биологически нормальный импульс, а некрофилия – как *патологическое* явление.

Правда, он как психопатолог в качестве главного фактора возникновения такого, явно деструктивного, исторического явления, как фашизм, исследует фактор медицинский – психическую болезнь личности. Его важнейшее исследование [15] посвящено доказательству некрофии, психической болезни Адольфа Гитлера и других главарей Третьего рейха. А главная проблема все же лежит в определении и выявлении социально-политических причин таких исторических явлений и их идеологий – их представителей в духовно-идеологической сфере.

Не вызывает сомнений возможность применения понятий, разработанных Э. Фроммом, к описанию учений гностиков или катаров. Любовь к жизни, ко всему живому – это любовь к здешнему, земному миру как творению Доброго Бога. Любовь к смерти – ненависть и презрение к наличным условиям существования, стремление к их разрушению, готовность истреблять «недочеловеков» и легко рисковать собственной жизнью. Сравнительно хорошо изученная новейшая история также изобилует движениями и личностями, которые по их действиям и высказываниям невозможно понять, иначе как отнести их к определенному социально-психологическому типу или характеру.

Однако для целей настоящей работы наиболее важен вопрос: в какой мере то или иное духовно-идеологическое учение или движение можно обвинять за формирование деструктивного характера его членов или последователей? Этот вопрос становится остро актуальным для исторической науки и для практической политики в современный период «столкновения цивилизаций», обострения информационно-идеологических войн и «битв за историю».

5.2. Подходы историков

Среди антисоветски (а теперь и антироссийски) ориентированных интеллектуалов еще не исчезло стремление поставить социализм в общий ряд деструктивных идеологий вместе с фашизмом. Одной из важных работ с попыткой дискредитации социализма была очень содержательная работа Игоря Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» [7]. Он приводит много примеров с высказываниями представителей социалистических движений, которые демонстрируют их личное стремление к смерти, их общую установку на разрушение всех основ общественного бытия, ненависть ко всем существующим формам жизненного уклада.

Революционеры всех направлений используют афористичную формулу Михаила Бакунина: «Страсть к разрушению – созидательная страсть». Вот другие цитаты из текстов таких социалистов, как Бакунин и Нечаев (прокламация «Принцип революции» [18, с. 361–363]): «Мы должны посвятить себя целиком и полностью неудержимому, неотступному разрушению, которое должно так долго расти *crescendo*, пока ничего не останется от существующих социальных форм».

«Хотя мы не признаем никакой другой деятельности, кроме как дело разрушения, мы все же держимся того мнения, что форма, в которой эта деятельность проявляется, может быть чрезвычайно разнообразна. Яд, кинжал, петля и тому подобное. Революция благословляет все в этой борьбе в равной мере... Омерзительность современной цивилизации, в которой мы выросли, лишила нас способности воздвигать райские строения будущей жизни».

В дополнение можем привести более близкого к нам деятеля, исполнителя подобных идей, красного маршала Михаила Тухачевского: «Латинско-греческая культура – это не для нас. Я считаю ренессанс наравне с христианством одним из несчастий человечества. Гармонию и меру – вот что нужно уничтожить прежде всего. Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошившей Россию, мы встряхнем ее, как пыльный коврик, а потом встряхнем весь мир. Я ненавижу Владимира Святого за то, что он крестил Русь и выдал ее западной цивилизации. Надо было сохранить в неприкосновенности наше грубое язычество, наше варварство. Но и то, и другое еще вернется. Я в этом не сомневаюсь!» (Голос совести. 2008. № 3(67). Март).

Конечно, приведенные И.Р. Шафаревичем данные, свидетельствующие об экстремизме, о личном стремлении к смерти, жажде тотального разрушения, – это для всех, воспитанных в христианской традиции, тяжелый компромат. Только это компромат не на социалистов, а на любых революционеров. Это мироощущение

тех, кто готов пожертвовать собой ради того, чтобы изменить (или разрушить) этот ненавистный мир. Но революции готовят и свершают далеко не только ради торжества социализма.

Может быть, необходимо признать деструктивными и антисистемными любые революции, как радикальные пацифисты объявляют недопустимыми, несовместимыми с человеческой культурой и цивилизацией любые войны? Наверно, большинство людей скажут, что мир без войн и революций – это прекрасный и манящий образ, идеал, лозунг. Ради его осуществления стоит работать и приносить жертвы. Беда только в том, что этот простой и радикальный лозунг, как свидетельствует весь опыт человеческой истории, и как понимает все это большинство, не осуществим. И при конкретизации всегда оказывается, что он используется одной частью общества, чтобы преодолеть сопротивление другой. Получается «постоянная война за постоянный мир». Это как раз пример, доказывающий, что отсутствие достаточной ясности в определении целей борьбы, непродуманность, непрорисованность четкой границы между своими и чужими (как сказали бы в прошлом веке, отсутствие *теории*) приводит к результатам типа «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Ведь М. Бакунин никогда не был главным идеологом социалистического движения, так же как Нечаев – идеологом «Народной воли».

В отношении многих негативных идей и антисистемных этнических образований важнейший вклад в решение этих проблем внес Лев Гумилев своей теорией химерических этносов [16]. *Химера* – это пассивная или агрессивная, антисистемная общность людей, которые возникают при столкновении крупных этносов (по другой терминологии – цивилизаций). Общность людей, «выпавших из контактирующих суперэтносов», не способных или не желающих адаптироваться к их традициям и ментальности. Аналогичный подход к подобным явлениям использует И. Шафаревич при определении «малого народа» в работе «Русофобия» [17]. Теория химерических этносов дает, по-видимому, удовлетворительное объяснение для возникновения древних и средневековых вероучений и этносов типа гностиков, манихеев, Хазарии, катаров и богомилов, альбигойцев.

Эта теория наверно высвечивает и один из аспектов возникновения идеологической позиции той части народовольцев и социалистов, высказывания которых приведены выше. Действительно, так чувствовать и писать, как пишут авторы прокламации «Принципы революции», мог бы только представитель иной цивилизации, оказавшийся с малой группой соплеменников среди совершенно чуждого народа, где все обычаи и сам физический облик людей и селений вызывает у него отвращение и ненависть. Но все же эта теория не дает полного объяснения. Это группа российских диссидентов конца XIX–XX вв., воспринявших как идеалы про-

светителей и либералов Западной Европы, так и российского православия и ощущающих, что называется, на собственной коже, как далека от них реальность в обеих цивилизациях. М. Тухачевский – представитель троцкистского явного меньшинства «глобалистов» в национально-большевистской российской элите того времени, то есть «малого народа» по определению И. Шафаревича.

Одной из важных характеристик большинства радикальных и экстремистских учений и движений является тенденция к упрощению. Она возникает в ответ на процессы, которые Константин Леонтьев, один из идейных отцов или предшественников теории цивилизаций, называл процессами «быстрого единообразия» и «упростительного смешения» культур. Эти движения выбирают путь отказа от чуждой и непреодолимой сложности мира или традиционного учения. Они часто принимают вид религиозного фундаментализма. Обычно эти учения носят характер разделяющей идеологии. Судя по описаниям востоковедов, такой характер носит современное движение ваххабизма как экстремистского течения в исламе. «Ваххабитский неопфундаментализм – это как раз то учение, которое в наибольшей мере подходит для космополитической мусульманской молодежи, покинувшей родину или родившейся, но не укоренившейся в Европе. Молодые люди стремятся сохранить какую-либо связь с родиной, с культурой и религией отцов. Среди исламистов – иммигранты в поисках работы, студенты, которые знают, что они никогда не вернутся домой, и не хотят ассимилироваться в чуждом им мире, в мире враждебном, жестоком и несправедливом к ним. У них даже не остается родного языка: английский, французский или чужой им литературный арабский. Остается только религия, которую неопфундаменталисты очищают от национальных особенностей и делают приемлемой для космополитического пролетариата любого общества. Неопфундаментализм – продукт декультурализации и как таковой не признает национальных государств и культур. Он обращается не к нациям и народам, а к отдельной личности. Это как раз то, что требуется отщепенцам. Он приветствует глобализацию, но не по-американски, а по-исламски: мир должен стать мусульманской Уммой». Это цитата из книги Бориса Ключникова [20, с. 285]. Там же автор показывает (ссылаясь на мнения востоковедов), что в поведении и идеологии исламистских неопфундаменталистов много черт, свойственных протестантским фундаменталистским сектам. Они нападают на культуру, противопоставляя ее моральному коду поведения. Их почти всегда характеризует склонность к насилию и терроризму. Обоих роднит фанатизм, чувство превосходства над иноверцами. Он ссылается также на Макса Вебера, отмечавшего родство оригинального ислама с радикальным кальвинизмом, укоренившимся главным образом среди революционеров Кромвеля, а также среди непримиримых переселенцев в Массачусетсе.

5.3. Объяснение феномена фашизма с точки зрения исторического материализма

Теория химеры и «малого народа» явно недостаточна (если вообще применима) для объяснения такого феномена, как фашизм, идеологией которого в 1930–1940-е гг. была охвачена фактически вся Западная Европа, и который остается опасностью и для века XXI. Марксистское определение: фашизм – это террористическая диктатура, установленная *в интересах монополистического капитала*. В очень подробной и содержательной книге западно-германского историка Рейнхарда Опитца «Фашизм и неофашизм» [8] автор описывает зарождение бесчеловечной нацистской идеологии еще до Первой мировой войны и ее развитие в выступлениях Гимmlера и Гитлера. Он вовсе не позиционирует себя в качестве марксиста, а только как антифашиста. Чтобы выявить причины «переломных» и текущих событий, он многократно подчеркивает «чисто рациональные» соображения, которые двигают германскими политиками при создании нацистской партии (НСДАП), их борьбе за влияние в партии и за власть в государстве. Они трезво и цинично оценивают возможности получить финансирование от тех или иных финансово-промышленных групп, спровоцировать столкновения и погромы на националистической почве, реакции лидеров и прессы иностранных государств на те или иные декларации. Рациональность поведения легко понять и оценить, когда речь идет о средствах достижения уже поставленных целей.

Но для философии и истории важнее понять, чем определяются цели и смыслы деятельности исторических субъектов. Легко понять, что промышленные и финансовые воротилы, когда им становятся узки масштабы национального рынка, или когда они оказываются отрезаны от дефицитного ресурса, они оказывают финансовую поддержку только тем политикам, которые готовы возглавить националистические силы народа. И тогда политики-националисты начинают действовать в соответствии с гениальной ленинской теорией об империализме как высшей стадии капитализма. Вот цитата из Генриха Класса, идеолога «Пангерманского союза» крупных промышленников, впоследствии члена НСДАП, 1912 г.: «Особое положение немецкого народа состоит в том, что внутри Европы он как бы стянут узами... Нам придется потребовать от побежденного на Западе и Востоке противника, чтобы он очистил для нас землю от своих людей...» [8, с. 157].

Значительно труднее понять и объяснить фанатичную устремленность политиков и идеологов, фактически обеспечивших несомненное доминирование политики и идеологии над всеми национальными экономическими и финансовыми структурами, как это можно констатировать для ситуации в Германии 30-х годов.

Бурную активность фашистской элиты в этот период можно определить как развитие и начало реализации даже не только новой идеологии, а скорее новой религии, охватывающей неизмеримо более широкий круг смыслов и проблем, чем проблемы производства и финансирования. Речь идет о новом направлении развития человечества, которое должно обеспечить мировое господство для германской нации, но которое сопряжено со смертельными рисками. Например, это риск для немецкого народа оказаться в состоянии «войны сразу против всех великих держав», не говоря уже о рисках для каждого активного участника такой «революции», связанных с борьбой за власть кланов и группировок.

Р. Опитц описывает встречи будущих вождей Третьего рейха с руководителями промышленных концернов и фракций монополистического капитала, как будто именно эти последние определяют направление деятельности фашистских пассионариев. Конечно, позиции промышленных магнатов оказывают влияние на исторические события, но заведомо гораздо меньшее, чем, скажем, Кредиторы – на Предпринимателя в теории Й. Шумпетера. И остается ощущение неадекватности того языка, который использует исторический материализм для исторических событий, в которых определяющими являются религиозные или идеологические движения. На этом языке, упрощенно выражаясь, описание фашизма выглядит так:

- 1) фашизм – это одна из форм проявления межстрановой экономической конкуренции;
- 2) война – один из видов бизнеса;
- 3) территория – один из производственных ресурсов.

Чтобы проиллюстрировать недостаточность, неадекватность этого языка, приведем цитаты с высказываниями Гимmlера и Гитлера с образом будущего человечества, который вдохновлял этих мировых преступников. Из памятной записки Гимmlера от 15 мая 1940 г., озаглавленной «Некоторые мысли об обращении с чужеродными народами на Востоке»: «Для населения, не представляющего немцев на Востоке, не должно существовать никаких учебных заведений, за исключением четырехклассной школы. Ее задача – научить считать не более, чем до 500, и писать свою фамилию, а также преподавать учение, которое должно служить для него божественной заповедью, – повиноваться немцам, быть честным, прилежным, работающим. Умение читать, я полагаю, им не нужно... Это население будет находиться в нашем распоряжении как народ рабов и ежегодно поставлять Германии мигрирующих рабочих, а также рабочую силу для особых работ (дороги, каменоломни, строительство)».

Аналогичным образом высказывался и Гитлер: «При заселении нами русского пространства «имперский строитель» должен жить в прекрасных поселках.

Пусть германские органы власти и учреждения имеют чудесные здания, а губернаторы – дворцы. Вокруг официальных резиденций следует построить все необходимое для жизни. Города будут ограждены кольцом прелестных деревень и связаны между собой самыми лучшими дорогами. А все остальное – это совсем другой мир, в котором мы позволим русским жить, как они хотят. Но только при условии, что мы господствуем над ними. Ну а в случае какой-нибудь революции нам достаточно сбросить несколько бомб на тот или иной город, и делу конец» [8, с. 160–161].

6. ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ И РАЗДЕЛЯЮЩИЕ ИДЕОЛОГИИ

6.1. Диалектика объединяющих и разделяющих традиций

Одна из самых серьезных и сложных современных проблем – проблема единства человечества, преодоление углубляющегося разрыва между мировой элитой и большинством жителей Земли, между господствующим социально-экономическим слоем и народом в большинстве стран. Наиболее острые формы эта проблема принимает в условиях, когда причинами, вызывающими и углубляющими такой разрыв, выступают одновременно и социально-экономические, и национальные или цивилизационные факторы. В связи с этим можно выделить и проследить две линии развития идеологий, проходящие через всю историю¹¹:

1) объединяющие идеологии – с установкой на духовно-идеологическое единство человеческого рода и

2) разделяющие идеологии – с установкой, выделяющей некоторую часть человечества как более ценную, более жизнеспособную, высшую.

Под духовно-идеологическим единством имеется в виду наличие общей для элиты и простого народа системы ценностей, целей, смыслов, наличие у элиты установки на служение народу, интересам страны, а у народа – доверия к элите, ориентации на выработанные ею ценности и смыслы.

В развитии объединяющих идеологий (и духовности) важнейшим событием было возникновение мировых религий, особенно монотеистических религий христианства и ислама. Вот слова Иисуса Христа: «Да будет все едино; как Ты, Отец, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». (Ин: 17,21).

Различные варианты социалистической идеологии, периодически активизирующиеся на протяжении всей истории, включая марксистское учение, по их целям, конечному смыслу и пафосу несомненно относятся к типу объединяющих идеологий. Требование равенства всех членов общества по уровню потребления есть упрощенный и поэтому неадекватный ответ основной объединяющей установки на царящую в обществе неправду. По целевой ориентации марксизм является наследником христианства, его «разверткой» в социально-экономическую сферу. Исходной философской посылкой Маркса и провозглашаемой его теорией целью коммунистического движения является как раз освобождение человечества от частной собственности, которая приводит к образованию антагонистических клас-

---

¹¹ Примером выявления длительной эволюции идеи были, например, работы Н.А. Бердяева [5], К. Виттфогеля [6], И.Р. Шафаревича [7] по истории социалистических идей и опыта их реализации, оказавшие значительное влияние на общественные оценки этого движения.

сов. Главный смысл коммунизма с самых первых своих работ К. Маркс видел в «возвращении человека к самому себе как к человеку общественному». «Частная собственность является материальным, чувственным выражением отчужденной человеческой жизни... поэтому положительное упразднение частной собственности есть положительное упразднение всякого отчуждения... возвращение к своему человеческому, т.е. общественному бытию» [19, с. 62–63].

Политики и идеологи капитализма отказались от триединого лозунга «Свобода, Равенство, Братство», точнее, от двух последних его символов Равенства и Братства. В Советском Союзе социалистический лозунг равенства играл важную роль не только в формировании социалистической политики и законодательства, но и как неизменный принцип стратегического планирования. Регионы царской России очень сильно различались по развитию производства, культуры, образования. Капиталистические государства использовали отсталость своих колоний и других незападных стран в первую очередь для установления господства своих корпораций и выкачивания из них прибылей для метрополии. В противоположность этому, политика советского государства – и хозяйственная, и культурная – всегда руководствовалась принципом «поднять отстающих до уровня передовых». Для этого в отсталые регионы и хозяйственные отрасли направлялись кадры специалистов и организаторов, выделялись специальные фонды финансов и дефицитных ресурсов.

Китайские коммунисты уже в начале своих реформ отказались от радикализма в интерпретации требования равенства. Ден Сяопин выдвинул тезис, с которым согласились бы все либералы: если какие-то группы или регионы по уровню жизни вырываются вперед (по современной либеральной терминологии, «продвинутые» элиты), а какие-то отстают, – это нормально. КПК и государство приведут к коммунизму и процветанию весь народ, сложившееся неравенство – только временное, тактическое.

Именно этот приоритет общего над частным, интересов всего общества (от лат. *Socialis*) – над индивидуальными и групповыми, есть главное, что противопоставляет социализм либерализму и обеспечивает ему общеисторическую, вечную значимость. Так же как приоритет свободы от общества и его институтов обеспечивает значимость либерализму. Какой экономической или политической теорией конкретизируются эти принципы в данный исторический период, в данной стране это зависит от конкретной исторической ситуации.

Разделяющие идеологии. Наряду с перечисленными выше процессами периодически возникали или активизировались религиозные и идеологические концепции, объявлявшие себя единственной истиной, а сообщество, выделенное по

тому или иному признаку, – наиболее ценной частью человечества, противопоставляющей себя остальным членам человеческого рода. Это идеологии элитарные. Они признают ценностью только элитную часть человечества и ее достижения. Разрыв между элитой и большинством считают явлением нормальным, а иногда и желательным (чтобы массы не тормозили движение элиты к вершинам совершенства). Их лидеры часто держат свои глубинные цели и смыслы в тайне, даже от большей части своих приверженцев.

Разделяющие идеи нередко вызывали подъемы пассионарной энергии. К разделяющим идеологиям надо отнести талмудическую интерпретацию учения об избранном народе (до нынешнего момента, разделяемого в том или ином теоретическом оформлении значительной частью евреев). Это учение оказало влияние на Кальвина и его доктрину предопределения (спасение или гибель человека определены предвечным решением Бога и не зависят от дел человеческих). В эпоху колониализма сформировалась расовая идеология. В XIX–XX вв. она получила в качестве научного обоснования расовую теорию, которая была разработана британскими и затем германскими учеными. Наиболее массовое и законодательно закрепленное институциональное воплощение расизм получил в колониальный период в Индии, в США и ЮАР в форме рабства и дискриминации негров и других поработанных народов. Самым страшным практическим воплощением расизма считается германский нацизм.

Исторический опыт последних веков показывает, что либеральная установка ведет к увеличению разрывов между элитарными и отсталыми, традиционными обществами, общественными слоями, классами. *Идеологию капитализма* как фундамент системы, обеспечившей мощный скачок в развитии коммерческих, производственных, информационных связей, можно назвать объединяющей, но только в институциональной, материально-прагматической сфере. Традиционные ценности и смысловые «скрепы» служат объединяющими факторами для национальных культур и государств, опорой для принципов верности, чести, правдивости, препятствующих классовому и духовному разрыву между элитой и большинством. Такие принципиальные черты идеологии капитализма, как стимулирование конкуренции, достижение личного успеха как высшая жизненная установка, принципы священной частной собственности, политического и экономического либерализма (теперь – глобализма) способствовали разрушению традиционных ценностей и смысловых «скреп» общества. Идеологии капитализма и глобализма ответственны за классовый и духовный разрыв между элитой и большинством. Поэтому в духовно-идеологической сфере эти идеологии являются разделяющими.

Экспансия капитализма оказывала разрушительное воздействие на институциональные системы и на духовность в первую очередь традиционных обществ. Она также приводила к отчуждению от участия в истории и к деградации широких слоев населения. Ответом на эту экспансию стало возникновение марксистской теории и организационной структуры в виде Интернационала. При этом мощной исторической силой стало направление *коммунистической*, или *социалистической «глобализации»* («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Противником этой идеи выступал *«многополярный мир»* империализма. Такова диалектика, а точнее, ирония истории.

Самым известным представителем линии разделяющих идеологий является фашизм (подробнее см. в разделе «Феномен фашизма»). После этого страшного опыта общая оценка линии разделяющих идеологий стала отрицательной. (Хотя, конечно, каждая идеология требует специального изучения). В настоящее время ни одна политическая партия или другая организация открыто не провозглашает расизм. Общее для разделяющих идеологий убеждение, что определенная нация или цивилизация обладают большей ценностью, чем остальные, не объявляется. Но это вовсе не означает, что влияние таких идей ничтожно мало. У человечества имеется богатейший опыт по созданию тайных обществ, орденов, организаций и их воздействию на ход истории. По сохранению политических целей и духовных концепций их руководителей даже в тайне от рядовых членов.

Диалектическая сложность использования таких широких обобщений, как категории объединяющих и разделяющих идеологий, состоит в том, что их воздействие ведет часто к противоречивым результатам в разных сферах жизни и в разные периоды времени. Например, главенство принципов рынка и частной собственности породило мощный импульс к установлению все более прочных и далеких торговых и производственных связей, созданию обширных государств, империй и межгосударственных союзов. Они способствовали взаимопроникновению культур и религий, взаимобмену идеями и технологиями между регионами. То есть эта капиталистическая установка была важной частью объединяющей идеологии. Она остается ею и как часть современных социалистических идеологий в качестве части механизмов управления экономикой. Но когда она ставится выше государства как представителя народа как целого и даже применяется в качестве оружия его устранения, то она становится частью идеологии разделяющей. Идеология фашизма в Германии 1920–1930-х гг. сыграла роль фактора, объединяющего народ, как любая идеология национализма. Но ее деструктивная сущность состояла в том, что главным орудием объединения была бесчеловечная расистская концепция, разделяющая человечество. Приведенные соображения иллюстрируют те трудности, с

которыми связано применение предложенного признака для различения и оценки конкретных идеологий и духовных установок, реализующихся в истории. Однако сама задача оценки идеологий, как объединяющих, так и разделяющих, буквально год от года становится все более настоятельной в связи с появлением все новых средств массового поражения, с быстрым совершенствованием существующих видов оружия и инструментов манипулирования общественным сознанием.

Несомненно, целью любой объединяющей идеологии является распространение *своей правды* на все человечество, стремление сделать ее доступной и понятной для всех людей. Однако при этом исключается ее насильственное навязывание, а тем более использование для этого лжи и утаивание истинных целей и конечных ценностей вероучения. Поскольку высшей ценностью и целью является не подавление иной духовности, а взаимопонимание и взаимное духовное обогащение. Априори любое человеческое сообщество со своей духовностью признается высшей ценностью. И хотя между ними остается противостояние, но разрешение конфликтов по возможности переносится в сферу духовно-интеллектуального противоборства. Как любая идеология, объединяющая идея не должна отказываться от трезвого учета реальности. Ее носители должны быть готовы к отражению силовой агрессии. Но военные средства и технологии информационной войны должны применяться только для обороны, для защиты от агрессии.

В отличие от этого, разделяющая идеология готова навязывать свои представления о правильном устройстве общества и о нормах жизни. Она выделяет из общества или всего человеческого рода, по расовому, национальному, или иному признаку, ту часть людей, которые готовы (или способны) жить по ее правилам и нормам. Эта часть и есть собственно человечество, на которую распространяются ценности и смыслы бытия, задачи по его мессианскому призванию, этические нормы. Отношение к остальным частям человечества формируется как к условиям, или элементам среды, как к популяции другого биологического вида. На отношение к этой «второсортной» части людей не распространяются общечеловеческие этические нормы. И это наверно составляет главную опасность распространения разделяющих идеологий, поскольку оправдывает ложь и подрывает доверие как основу предотвращения наиболее деструктивных конфликтов.

Эти *деструктивные* черты разделяющих идеологий обычно скрываются. Поэтому очень важно изучение и доведение до осознания обществом истории германского нацизма, идеология и практика которого на редкость откровенно и наглядно демонстрировала эти черты. Конечно, другие социально-политические системы, идеологии которых можно квалифицировать как разделяющие, характеризуются этими чертами только в большей или меньшей степени. Даже итальян-

ский фашизм Муссолини до 1937 г., когда он фактически признал свою подчиненность Гитлеру, нельзя признать фашистской идеологией в том значении образца бесчеловечной антисистемной установки, какое придается ей сегодня.

6.2. Роль России

Современная политика глобализаторов, политика навязывания идеологического и политического диктата США под видом единства, причем навязывания часто насильственными методами (вплоть до военных), на деле ведет к разъединению мира, к противостоянию одних стран – другим. В российской культуре и духовности накоплен важный для развития всего человечества потенциал взаимопонимания и сотрудничества наций и конфессий. Россия может и должна представить миру образец преодоления общественных противоречий и расколов:

- примирение «красных» и «белых» (преодоление разрыва времен);
- поиск эффективного согласования установок государственников и либералов-антигосударственников;
- создание духовности, стимулирующей сотрудничество верующих и атеистов;
- сближение традиционных религиозных и этических учений.

Военные расходы США превосходят сумму военных расходов всех остальных стран вместе взятых. Но если будущая война будет в первую очередь войной идеологий, то у России есть шанс стать победителем, представив миру идеологию общества правды и справедливости. После наступления коммунистической и советской идеологий в 1920–1960-х гг. капиталистический Центр перешел в идеологическое контрнаступление. Советскому Союзу не удалось своевременно обновить свой идеологический фундамент, не помогла и защищавшая его «железная стена». Сейчас, похоже, наступает период, когда Америке придется защищаться «железной стеной» контролируемых СМИ от антиамериканизма, который грозит подорвать идеологическую крепость «самой демократичной и преуспевающей страны мира».

Россия как один из главных Субъектов истории последних столетий несомненно имеет достаточный потенциал, чтобы стать самостоятельным полюсом. А может быть, и одной из вершин геостратегического треугольника, определяющего направление исторического развития в течение нескольких десятилетий XXI в. (США – Китай – Россия). Роль и предназначение России в мире, ее миссия – воспринять и воплотить достижения духовности Запада и Востока, Европы и Азии, осуществить их синтез, продемонстрировать образец не враждебных, дружеских отношений. И Россия долгое время выполняла эту миссию: показать Востоку, что

ценна не только Традиция, но и Прогресс; Западу – что к экономическим успехам ведет не только свободное предпринимательство, но и государственное руководство экономикой и т.д. – перечислять можно долго. Вместо поисков «национальной идеи» России, надо признать, что главным символом возрождающегося полюса в многополярном мире может стать идея евразийства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гундаров И.А. Почему умирают в России, как нам выжить? М.: Медиа сфера, 1995.
2. Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: ЦТ «Беловодье», 2001.
3. Осипов Ю.М. Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория накануне XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова и Е.С. Зотовой. М.: Юрист, 2000.
4. Грачева Т.В. Китай в объятиях дракона. М.: Благословение, Техинвест-3, 2013.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
6. Wittfogel K. Die orientalische Despotie. Eine vergleichende Untersuchung totaler Macht. Koln – Berlin, 1962.
7. Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории // Есть ли у России будущее? М.: Советский писатель, 1991.
8. Опитц Р. Фашизм и неофашизм. М.: Прогресс, 1988.
9. Волконский В.А. Многополярный мир. Идеология и экономика. М.: Книжный мир, 2014.
10. Девятков А.П. Китайская специфика. М.: Изд-во Жигульского, 2008.
11. Девятков А. Небополитика. Путь правды – разведка. М.: Волант, 2013.
12. Фромм Э. Некрофилия // Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М.: Высшая школа, 1992. Пер. с изд. Fromm E. The anatomy of human destructiveness. N.Y.: Penguin Books, 1977.
13. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: «Университетская книга» АСТ, 1997.
14. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2004.
15. Хэнкок Г., Бьювел Р. Власть талисмана: тайны посвященных от египетских жрецов до виновников трагедии 11 сентября. М.: Эксмо, 2005.
16. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М.: Высшая школа, 1992.
17. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ–ДИК, 1994.
18. Шафаревич И.Р. Русофобия // Есть ли у России будущее? М.: Советский писатель, 1991.
19. Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М.: РидГрупп, 2012.
20. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О коммунистической общественной формации. Т. 1. М.: Политиздат, 1987.

21. Ключников Б.Ф. Исламизм, США и Европа: Война объявлена! М.: Эксмо, 2003.
22. Джемаль Г. Освобождение ислама. М.: УММА, 2004.
23. Бахтияров А.Р. Путь восприятия Сердца: от Сердца к Сердцу. М.; Казань, Алтай-ТАУ, 2007.
24. Бахтияров А.Р. Размышления о вере. Зачем верующему Коран? Казань, Алтай-ТАУ, 2009.
25. Волконский В.А. Смысл жизни и история. М.; Казань, Алтай-ТАУ, 2008. URL: www.koriagina.com.
26. Пирогов Г.Г. Глобализация и цивилизационное многообразие мира. Ч. I: Россия и Запад в процессе глобализации. М.: БФРГТЗ «Слово», 2002.
27. МанDEVиль Б. Басня о пчелах. М., 1974.
28. Гендель М. Космогоническая концепция Розенкрейцеров. Кн. 1. КФДР, 1993.
29. Гиндилис Л.М. Научное и метанаучное знание. М.: Дельфис, 2012.
30. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Образ и действительность. Минск, Попурри, 1998.
31. Волконский В.А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. М.: Наука, 2002. URL: www.koriagina.com.
32. Волконский В.А. Возвращение в сферу смыслов // Дружба народов. 2010. № 6.
33. Уайльд О. Душа человека при социализме. М.: Дилетант, 1907.

ИЗДАНИЯ ЦЭМИ РАН

2014 г.

Препринты

1. **Бабат Л.Г.** Овализованные алмазы и ε -оптимальные круглые бриллианты / Препринт # WP/2014/307. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 77 с. (Рус.)
2. **Горлов А.В.** Малый производственный бизнес: основные закономерности и факторы развития / Препринт # WP/2014/308. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 58 с. (Рус.)
3. **Клейнер В.Г.** Коррупция в России. Россия в коррупции. Есть ли выход? / Препринт # WP/2014/309. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 49 с. (Рус.)
4. **Белкин В.Д., Стороженко В.П.** Стагнация российской экономики и ее преодоление с помощью потребительского рынка / Препринт # WP/2014/310. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 39 с. (Рус.)
5. **Смоляк С.А.** Статистические и теоретические модели зависимости стоимости машин от возраста / Препринт # WP/2014/311. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 50 с. (Рус.)

Книги

1. **Стратегическое планирование и развитие предприятий.** В 5 т. / Материалы Пятнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 15–16 апреля 2014 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 998 с.
2. **Стратегическое планирование и развитие предприятий** / Сборник пленарных докладов и материалов круглого стола Тринадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 9–10 апреля 2013 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 90 с.
3. **Классификатор экономико-математических моделей планирования и управления в компании.** – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 107 с. (Рус.)
4. **Теория и практика институциональных преобразований в России** / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 172 с. (Рус., англ.)
5. **Овсиенко Ю.В.** Институциональные системы и их взаимосвязи с социальными и экономическими процессами. В 2 ч. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 256 с. (Рус.)
6. **Теория и практика институциональных преобразований в России** / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 29. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 170 с. (Рус., англ.)
7. **Теория и практика реформирования муниципальных образований** / Доклады Всероссийского научно-практического семинара. 27 июня 2014 г., г. Валдай. Под ред. М.В. Глазырина, М.П. Чемоданова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 110 с.
8. **Модели и методы инновационной экономики** / Сборник научных трудов под ред. К.А. Багриновского и Е.Ю. Хрусталёва. Вып. 6. – М.: ЦЭМИ РАН, МАОН, 2014. – 213 с. (Рус.)
9. **Молодая экономика: экономическая наука глазами молодых ученых** / Материалы научно-практической конференции. Москва, 10 декабря 2014 г. Под ред. Р.Н. Павлова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 143 с.
10. **Теория и практика институциональных преобразований в России** / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 30. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 174 с. (Рус., англ.)

2015 г.

Препринты

1. **Волконский В.А.** Человек обживает мир: эволюция конструктивных и деструктивных идеологий / Препринт # WP/2015/312. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. – 76 с. (Рус.)

Central Economics and Mathematics Institute Russian Academy of Sciences
Publications

2014

Working papers

1. **Babat L.G.** Rounded Raw Diamonds and ε -optimal Round Polished Diamonds / Working paper # WP/2014/307. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 77 p. (Rus.)
2. **Gorlov A.V.** The small manufacturing business: basic patterns and factors of development / Working paper # WP/2014/308. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 58 p. (Rus.)
3. **Kleiner V.G.** Corruption in Russia. Russia Corrupted. Is There a Way Out? / Working paper # WP/2014/309. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 49 p. (Rus.)
4. **Belkin V.D., Storozhenko V.P.** Russian economy stagnation and its overcoming through consumer market / Working paper # WP/2014/310. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 39 p. (Rus.)
5. **Smolyak S.A.** Statistical and Theoretical Models of the Effect of Age on the Market Value of Machinery and Equipment Items / Working paper # WP/2014/311. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 50 p. (Rus.)

Books

1. **Strategic Planning and Evolution of Enterprises.** 5 issues / Materials. Fifteenth Russian Symposium. Moscow, April 15–16, 2014. Ed. by G.B. Kleiner. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 197 p.
2. **Strategic Planning and Evolution of Enterprises** / Materials. Fourteenth Russian Symposium. Moscow, April 9–10, 2013. Ed. by G.B. Kleiner. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 90 p.
3. **The Qualifier of Economic-Mathematical Models of Planning and Management in the Company.** – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 107 p. (Rus.)
4. **Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia** / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 172 p. (Rus., Eng.)
5. **Ovsienko Yu.V.** Institutional Systems and Their Interactions with Social and Economic Processes. 2 part. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. – 256 p. (Rus.)
6. **Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia** / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 29. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. – 170 p. (Rus., Eng.)
7. **Theory and Practice of Reform of Municipalities** / Reports of the All-Russian scientific-practical seminar. June 27, 2014, Valdai. Ed. M.V. Glazyrin, M.P. Chemodanov. – M.: CEMI RAS, 2014 – 110 p.
8. **Models and Methods of Innovation Economics** / Collection of scientific papers, ed. by K.A. Begegovskogo, E.Y. Khrustaleva. Issue 6. – M.: CEMI RAS, IAOS, 2014. – 213 p. (Rus.)
9. **Young Economics: Economic Science in Terms of Young Scientists** / Proceedings of the scientific and practical conference. Moscow, December 10, 2014, Ed. by R.N. Pavlov. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 143 p.
10. **Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia** / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 30. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. – 174 p. (Rus., Eng.)

2015

Working papers

1. **Volkonsky V.A.** The Human Renders Habitable the World: the Evolution of Constructive and Destructive Ideologies / Working paper # WP/2015/312. – Moscow, CEMI RAS, 2015. – 76 p. (Rus.)